

Фрэнсис Паркер Йоки

ХАОС ИЛИ ИМПЕРИЯ?

Запад между закатом и новым началом

Англоязычный оригинал:

IMPERIUM. THE PHILOSOPHY OF HISTORY AND POLITICS
by ULICK VARANGE (Francis Parker Yockey), USA, 1948

Перевод с немецкого текста:

CHAOS oder IMPERIUM? Das Abendland zwischen Untergang und Neubeginn
Francis Parker Yockey,
Aus dem Englischen übersetzt von Ursula von Gordon
GRABERT-VERLAG-TÜBINGEN
1976

*Сокращенный перевод выполнен по заказу редакции сайта «Велесова Слобода».
На русском языке публикуется впервые!*

Публикации института послевоенной истории
Том VIII

Наряду с многочисленными отечественными и иностранными учеными издано
д-ром

Гербертом Грабертом

Перевод с английского языка Урсулы фон Гордон

Издательство GRABERT-VERLAG-TÜBINGEN

Тюбинген, ФРГ, 1976

Международный стандартизационный код книги ISBN 3 87 847 033 9

ПОСВЯЩАЕТСЯ ГЕРОЯМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие издателя

Первая глава

Историческое восприятие двадцатого столетия

Перспективы

Два аспекта истории

Относительность истории

Значение фактов

Конец линейного понимания истории

Структура истории

Пессимизм

Кризис цивилизации

Дарвинизм

Марксизм

Фрейдизм

Научно-техническое мировоззрение

Императив нашего века

Вторая глава

Политическое восприятие двадцатого столетия

Вступление

Сущность политики

Симбиоз войны и политики

Закон тотальности и закон суверенитета

Плюралистическое государство

Закон прочности межорганичной власти

Политический плюриверсум (многополярный мир)

Лига наций

Внутренний аспект закона суверенитета

Политические организмы и война

Закон политического пленума

Закон защиты и послушания

Интернационал

Две политические антропологии

Либерализм

Демократия

Коммунизм

Разделение и соединение форм мышления и действия

Третья глава

Культурный витализм

I. Здоровая культура

Вступление

Классификация культуры

Традиция и гений

Гений

Гений и век абсолютной политики

Раса, народ, нация, государство

Субъективное значение расы

Горизонтальная раса против вертикальной расы

Раса и политика

Народ

Нация и история

Нация и рационализм

Идея нации в 20-ом веке

Государство

II. Больная культура

Культурная патология

Культурный паразитизм

Культурное искажение

Культурная реакция как форма культурного искажения

Культурное искажение как последствие деятельности паразитов

Четвертая глава

Америка

Вступление

Начало Америки

Американская идеология

Гражданская война (1861-1865)

Американская практика правления

История американского империализма

Американский империализм в век истребительных войн

Американская революция 1933 года

Манипулируемое мировоззрение

Негры в Америке

Культурная реакция в Америке

Пропаганда

Использование американской внешней политики с 1933 года
Будущее Америки

Пятая глава

Международное положение

Политический мир
Первая мировая война
Вторая мировая война
Россия
Япония
Америка
Террор
Пропась
Империя
Послесловие автора
Список имен

Фрэнсис Паркер Йоки (18 сентября 1917 – 16 июня 1960) был американским политическим мыслителем и полемистом, известным, в первую очередь, своей неопенгерманской книгой «Империя: Философия Истории и Политики», изданной под псевдонимом Улик Варандж в 1948. Эта книга на 600 страниц приводит доводы в пользу основанного на культуре, тоталитарного пути для сохранения Западной культуры. Хотя сегодня его помнят, прежде всего, как писателя, Йоки вел активную ультраправую деятельность во всем мире в течение его взрослой жизни.

Биографические факты о Йоки в значительной степени неизвестны. Большинство сведений исходит из сообщений тех, кто знал его и от усилий ФБР получить информацию в отношении его действий.

Йоки родился в Чикаго, штат Иллинойс, но его семья вернулась на их ферму в Лудингтоне, Мичиган во время Великой Депрессии. Его родители были англофилами, которые воспитали Йоки в духе любви к Европе и высокой культуре. Прежде, чем стать приверженцем элитариста и антиматериалиста Освальда Шпенглера, Йоки короткое время флиртовал с марксизмом. Кроме Шпенглера, большое влияние на него оказали идеи немецкого ученого и юриста Карла Шмитта. В отличие от Шпенглера, считавшего нацистов слишком буржуазными и не согласного с их антисемитизмом и строгим биологическим представлением о расах, Йоки верил в немецкий национал-социализм, и придерживался различных фашистских и нефашистских взглядов всю свою жизнь, включая антисемитизм. Как и Шпенглер, Йоки отвергал исключительно биологическое представление о расах, вместо этого предпочитая духовную концепцию расы, связанную с геополитической идеей Карла Хаусхофера.

Еще будучи студентом университета в конце 1930-х, Йоки написал свое первое политическое эссе, изданное в «Социальной справедливости», периодическом издании, отредактированным Фрэнком Чарльзом Кофлином, известным как «радио-священник».

В то время Кофлин был широко известен своим сочувствием антибольшевистской политике, связанной с Германией Адольфа Гитлера, Италией Бенито Муссолини, и Испанией Франсиско Франко.

Йоки учился по крайней мере в семи университетах. Он учился в течение двух лет (1934–36) в Мичиганском университете, и затем перешел в Джорджтаунскую школу дипломатической службы. Он получил степень бакалавра в Аризонском университете, и закончил с отличием Юридическую школу университета Нотр-Дам в 1941 году.

В течение долгого времени Йоки был связан или сотрудничал со многими из крайне правых фигур и организаций тех лет.

После поражения стран Оси во время Второй мировой войны, Йоки фактически стал еще более активным в неонацистских взглядах после 1945. С того момента он оставался преданным исключительно делу возрождающегося фашизма. Он не жил обычной жизнью, и оставался постоянно в движении, путешествуя повсюду, где он чувствовал, что мог наиболее эффективно достичь своих целей, и поддерживал по пути бесчисленные контакты.

Идеи Йоки обычно воспринимались только теми, кто мог одобрить потребность союза между крайне левым и крайним правым, которая была фундаментальным столбом идей Йоки. Американская нацистская партия Джорджа Линкольна Рокуелла, например, отклонила Йоки из-за его антиамериканской позиции, так же как его готовности работать с антиссионистскими коммунистическими правительствами и движениями, поскольку ANP придерживалась исключительно идеалов абсолютного антибольшевистского национал-социализма, какой был представлен Гитлером. Другие сторонники Универсального Нацизма, такие как союзник Рокуелла Колин Джордан, не согласились с представлениями Йоки о расе, и рассматривали «йокизм» как защиту своего рода "Нового Штрассеризма", который подорвет истинный нацизм.

В конце 1952 года Йоки поехал в Прагу и был свидетелем на пражских процессах. Он полагал, что они «предсказали российский разрыв с евреями», представление, которое он выдвигал в своей статье «Что стоит за повешением одиннадцати евреев в Праге?». Действительно, это предсказание было доказано фактом, что последний еврейский член советского Президиума, Лазарь Каганович, был выслан в 1957 – оторванный от власти уже в 1953. (Кроме того, после сочувствия Израилю во время его войн 1948-49, Россия сменила стороны и поддерживала арабов в последующих конфликтах.) Йоки полагал, что сталинизм произвел чистку советского коммунизма от еврейского влияния. Он потратил остаток своей жизни, пытаясь добиться союза между международными силами коммунизма и международной сетью крайне правых.

Йоки встретился с египетским президентом Гамалем Абделем Насером, которого он назвал "великим и энергичным человеком", в Каире в 1953 году. Он работал короткое время на египетское Министерство информации, занимаясь антиссионистской пропагандой. Йоки видел восход неприсоединившихся государств в Третьем мире, и особенно в арабском национализме, как существенные геополитические вызовы «еврейско-американской власти». Есть предположения, что Йоки совершал тайные поездки в течение 1950-ых в Восточную Германию, и возможно даже в СССР непосредственно, пытаясь создать связи с коммунистами. Также известно, что Йоки посе-

тил Кубу вскоре после революции Фиделя Кастро в надеждах на завоевывание кубинской поддержки для его антиамериканского союза. Он встречался с некоторыми чиновниками низшего уровня, но ничего, как известно, из этого не вышло.

Йоки непрерывно преследовало Федеральное бюро расследований (ФБР) больше десятилетия, от которого он убегал, принимая многочисленные псевдонимы. Он был наконец арестован в 1960 году после возвращения в Соединенные Штаты из-за границы, поскольку его чемодан послали не в тот аэропорт. Когда власти открыли чемодан, чтобы определить, чей он, они нашли в нем несколько фальсифицированных паспортов Йоки и свидетельств о рождении. Когда об этом сообщили федеральному правительству, ФБР разыскало его в Окланде, Калифорния и арестовало. (Любопытно, что он скрывался в доме друга, который, как думали, был евреем, пережившим Холокост и учителем иврита в храме Бет Абрахам, местной синагоге.) Когда Йоки был в тюрьме, его посетил американский реакционер Уиллис Карто, который позже стал главным защитником и издателем идей Йоки. Йоки был вскоре после того найден мертвым с пустой капсулой цианида в камере тюрьмы в Сан-Франциско под наблюдением ФБР, оставив записку, где утверждал, что совершил самоубийство, чтобы защитить анонимность его политических контактов.

Сокращенно по: http://en.wikipedia.org/wiki/Francis_Parker_Yockey

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Это всеобъемлющее и даже лишь из-за одних его всемирно-исторических перспектив весьма поучительное произведение является пламенным и одновременно заклинающим призывом ко всему Западу к активному объединению в единый фронт для защиты от все дальше наступающего на запад Востока. Хотя у книги есть специфически американские черты, она подвергает Америку, прежде всего, авторитетные еврейские круги в ее руководстве, такой открытой критике, которую в Европе после 1945 года уже практически невозможно встретить как политический фактор. Нельзя исключать, что арест Йоки и его смерть в тюрьме были связаны именно с этой критикой. В любом случае для европейского читателя особо важной является глава об Америке, содержащая критические возражения и неясные вопросы.

Еще более интересным представляется тот факт, что автор рано рассматривает полностью сформированную Европу как нацию, царство и империю в связи с будущим всей белой расы и так же отчетливо видит надвигающуюся с Востока опасность для всего мира. Тем самым он призывает Запад к осознанию этого факта и образованию единой фаланги против Востока. Замечательно, что для автора расовый вопрос – это не вопрос антропологии, а вопрос образа жизни и инстинкта. Раса в объективном смысле означает для него духовно-биологическую общность группы, для которой духовная позиция является самым важным расовым фактором. Если «Всемирно-исторические перспективы» Освальда Шпенглера уже характеризовались блестящей фор-

мой и смелой концепцией, то Йоки, следуя за ним, проявил себя как ничуть не меньший гениальный универсальный историк необычайного масштаба, что доказывает одна лишь представленная им краткая история США с момента отделения их от Англии до вытеснения индейцев на запад. Как показывает эта история, Америка уже скоро появляется как мировая держава и в 1900 году ее военная сфера влияния становится большей, чем сфера влияния европейских государств за исключением Англии. Так колониальная империя США развилась из империалистического инстинкта. Гражданская война была единственной войной Америки на протяжении ста лет. «Никогда прежде имперская власть не завоевывала так много земли и влияния столь малой кровью». Для Йоки этот факт представляется причиной того, что Америка так никогда и не выработала своего политического сознания. «Не было политического гения, так как не было политики, а была лишь грязная личная борьба за должности и взятки... В этом была слабость американского империализма: Никакого плана, никакой традиции, никакой политической линии, никакой цели, никакой организации». Поистине глубокий взгляд на внутренние американские соотношения сил и условия жизни! Йоки надеялся, что спящий героизм американской нации пробудится вопреки тому культурному искажению, за которым стоит чуждое меньшинство. «Век абсолютной политики пробудит то творческое, что еще сохранилось в американцах в форме отдельных руководителей». То, что остается, это гражданская война, а именно: 1. расовая война между неграми и белыми; 2. классовая борьба профсоюзов против руководителей предприятий; 3. финансовая война денежных диктаторов; 4. борьба не на жизнь, а на смерть между «губящим культуру» меньшинством и американским народом. Невозможно предсказать, произойдет ли это в форме эволюции или революции. Таким образом, Йоки приходит к беспощадной, но всегда обоснованной критике Америки, страны, совершенно переполненной чужаками и подчиненной лишь международной клике. Тем не менее, его самой важной целью, принимая во внимание опасность с Востока, остается создание Западной империи, Империи Европы. Название его труда выражает эту цель. Он одновременно является предвестником и императивом.

Доктор Герберт Граберт

Третья глава. Культурный витализм

II. Больная культура

Культурная патология

Все четыре формы жизни – растение, животное, человек, высокая культура – демонстрируют органическую закономерность рождения, роста, зрелости, увядания и смерти. В каждой форме содержится сущность менее совершенной, менее структурированной формы, и новая душа – это, так сказать,

надстройка на общей основе. Растение тесно связано с космическими ритмами, оно – в какой-то мере часть ландшафта. Животное распространено на определенном ландшафте и обязано непосредственностью инстинкта своей тесной связи с космическими ритмами; но оно уже само является миром для себя. Человек духовно и материально связан с землей; у него есть инстинкты хищника, и в ритме сна и бодрствования сказывается перемежающееся господство растительной жизни, не знающей напряжения. Высокая культура подобна растениям в своей тесной связи с почвой, которая продолжается с начала до конца ее существования; подобна животному в суровом уничтожении ею других образов жизни; подобна человеку в своей духовности; и своеобразна в своей способности изменять человеческую жизнь, в продолжительности своего существования и в силе влияния ее судьбы.

Ко всему живому относятся как болезнь, так и здоровье. Бывают патологии растений, животных, человека, и так же существует и патология высоких культур, которая, впрочем, была обнаружена только в новую эпоху благодаря его беспристрастному взгляду на факты. Проявления заболевания определяются организмом; к примеру, у растений не бывает болезней печени, а собаки не страдают психозами. Но этот процесс развивается снизу вверх, так же, как уровни жизни, когда та становится более разнообразной, наслаиваются один на другой. Потому паразитизм, проявление заболевания у растений, встречается также у более высоких форм жизни. На рост растения могут оказывать негативное влияние неблагоприятными условиями, так же, как развитию животного может препятствовать внешнее влияние. Духовное развитие более слабых человеческих организмов может замедляться из-за доминирующего влияния, которое люди с более сильной волей оказывают на их души.

Конечно, для научного метода патологии высоких культур не существовало, ибо по основной его догме жизнь представлялась механической, у человека не было души, а для правильного понимания следовало вывести химическую формулу. Для этого воззрения, которое отрицало Бога и душу, высокая культура была абстракцией, обозначающей общие усилия отдельных людей. Нация была скоплением индивидуумов с исключительно механическими связями; экономика и «счастье» были всем содержанием жизни. Такой взгляд не мог понять жизнь. Он породил психологию, едва ли достаточную для животных, и назвал ее психологией человека. Он сделал сухой интеллект центром внутреннего мира и отрицал таинственную природу человеческого творчества.

Такое представление само было продуктом определенного века, века рационализма, и с исчезновением этого предрассудка мы оказываемся в преддверии нового мира, мира душевных взаимоотношений, проникновение в который было запрещено на протяжении двух последних веков. Материализм, который видит только результаты, а не невидимую судьбу, которая их вы-

звала, утверждал, что результаты это самое важное, а душа – ничто. Не понимая невидимую необходимость, которая царит над всем органическим и его взаимосвязями с космосом, он приходил к выводу, по сотням различных причин, что жизнь – это случай. Из всех этих интересных причин выхватили одну: пыль, которая содержится в воздухе. Мыслители в лабораториях обнаружили, что, если бы воздух не содержал пыли, никакая жизнь не была бы возможна. Этим ученым так никогда и не пришло в голову, что жизнь и все другие проявления связаны друг с другом в некоей таинственной необходимости. В то время как они рассматривали все и вся в отдельности, подвергая все более точному анализу все меньшие вещи, они теряли всякую связь с действительностью и удивлялись, когда эти связи выявлялись. По мнению этих глубоких мыслителей, это не могло быть ничем иным, кроме случая.

*

Наш исходный пункт – это условия жизни. Не условия всей жизни, а только условия той особенной формы жизни, которая называется высокой культурой.

Для каждого вида формы жизни есть свои соответствующие идеальные условия. Некоторые растения нуждаются в большом количестве воды, другим ее нужно мало; некоторые растут в соленой воде, другим нужна пресная вода. У животных есть место для жизни; у каждого вида есть его собственный ареал обитания, который отвечает условиям, необходимым для здоровья и дальнейшего существования данного вида. Также и у различных человеческих видов есть соответствующие их жизненным потребностям ландшафты. Каждая форма жизни и каждый организм обладают определенной способностью приспособляться. Растение может, даже если это ухудшает его рост и развитие, обходиться меньшим количеством воды, чем ему, собственно, требуется. Но если оно получает меньше чем минимум, то оно умрет: граница приспособляемости достигнута. Люди могут жить и в воздухе долин и в более разреженном воздухе высокогорий. Человеческое тело приспособляется к условиям гор, увеличивая объем грудной клетки и поверхность легких. Но эта приспособляемость не безгранична, и при определенном разрежении воздуха ее предел будет достигнут.

В этом труде при рассмотрении этого предмета мы ограничимся только одним отображением, действительно необходимым для понимания сущности культурных проявлений – как основой для действия. Мы занимаемся здесь политикой, а не философией истории и, тем более, не натурфилософией. Область знаний культурной патологии относительно молода. То, что в 2100 году станет полноценной научной дисциплиной, сегодня только очерк, а то, что написано здесь, даже еще меньше, чем просто очерк. Но политику нельзя отделить от культуры, и любое усилие, направленное на то, чтобы осветить

необходимый для западной политики путь в этот поворотный момент, является исторически и культурно оправданным.

Высокая культура отличается от других организмов тем, что она осуществляет свои материальные проявления через менее развитые организмы, а именно – через культурных людей. Ее тело – это огромное скопление многих миллионов человеческих тел в определенном ландшафте. Очевидно, что проблемы физической приспособляемости для культуры не существует, есть лишь вопрос духовной приспособляемости. Также у культуры не может быть физических болезней как у людей. Болезнь культуры может быть только духовным феноменом.

Каждое проявление жизни, включая болезнь, – это тайна. Некоторые люди навлекают на себя болезнь, когда общаются с определенными микроорганизмами; другие же вообще не реагируют на них. Сыворотка может помочь одному человеку, но убьет другого. Можно представить такие проявления заболевания как неспособность к приспособляемости, но последняя причина, почему для данного вида или особи граница приспособляемости проходит именно здесь, никогда не будет исследована. И то же самое касается и культуры. Почему душа культуры сохраняет свою чистоту и индивидуальность, остается для нас тайной. Несмотря на это, она следует своему собственному внутреннему жизненному закону и не может следовать жизненному пути, предписываемому ей иным жизнеощущением, стимул которого исходит от чуждых этой культуре источников.

Предмет культурной патологии слишком обширен, чтобы его можно было бы рассмотреть здесь. Для этого потребуется много томов, написанных в будущих столетиях. Для направленного на действие воззрения двадцатого столетия необходимо только понять три проявления в пределах этого широкого поля культурной патологии, а именно: культурный паразитизм, культурная реакция и культурное искажение. Эти три культурных болезни в середине двадцатого века находятся на Западе, причем – с давних пор. Только это болезненное состояние западной цивилизации делает возможным современное международное положение – в настоящее время это касается обеих мировых войн и их страшных последствий. Область западной цивилизации – это родина лучших голов и самых сильных характеров в этом мире, самой интенсивной нравственной силы, несравненной технической изобретательности и единственной положительной высокой судьбы; и все же, вопреки тому факту, что все это представляет собой самую большую концентрацию мировой силы, западная цивилизация – это сегодня только объект мировой политики, добыча опустошающих сил, пришедших извне. Это положение было вызвано не военной силой, а опасным заболеванием культуры.

Культурный паразитизм

В главе о сущности политики влияние личных чувств отдельных лиц на государственные дела было названо политическим паразитизмом. Как пример приводилась мадам Помпадур, которая толкнула Францию на войну против Фридриха Великого, так как он перед всей Европой назвал сию даму не совсем лестным именем. На этой войне Франция потеряла свою колониальную империю, доставшуюся Англии, так как она сражалась в Европе и предпринимала для этой локальной войны больше усилий, чем для имперской войны за океаном. Это обычный результат политического паразитизма.

Нация – это идея, но она – только часть большой идеи культуры, которую она творит на продолжении собственного воплощения. Но как нация, так и культура может включать в себя группы и могущественных отдельных лиц, которые в своем мышлении не чувствуют своей привязанности к исполнению национальной идеи. О политическом паразитизме знают все и разгадывают его, если замечают его проявления. Когда грек Иоанн Каподистрия был российским министром иностранных дел, никто не ожидал от него, что он будет проводить антигреческую политику. Во время «Боксерского восстания» в Китае ни одной из западных держав не пришло в голову передать командование китайскому генералу. В войне с Японией (1941-1945) американцы совсем не использовали своих военнообязанных японского происхождения, и Европа во время первых обеих мировых войн понимала, что не может использовать чехов-славян против России. Американские генералы не решились бы применить своих мексиканцев против Мексики или негров против Абиссинии. И во время подготовки войны против России в Америке не доверили бы ответственный пост никому, кто был бы известен как приверженец России, не говоря уже о передаче правительства в руки иммигрантов из России. Ибо это общеизвестный факт, что группа остается той, какой она есть, даже если она принимается в другую группу, – разве что она полностью ассимилируется; то же самое действует и для каждого отдельного человека. Ассимиляция – это смерть группы как группы. Кровообращение составляющих ее отдельных людей продолжается, но группа, – которая остается чуждой (иной) именно как группа – исчезает.

При нашем исследовании расы мы увидели, что преградой для ассимиляции являются не телесные различия, но, пожалуй, установленный культурой барьер. Примеры этого – балтийские немцы и немцы Поволжья, которые были предоставлены сами себе в примитивной России, китайцы и японцы в Америке, негры в Америке и Южной Африке, британцы и парсы в Индии, евреи в западной цивилизации и в России и индусы в Натале (Южная Африка).

Культурный паразитизм возникает тем же образом, как и паразитизм в политике. Паразит – это просто живое существо, которое живет в или на теле другого живого существа (хозяина) и за его счет. Это влечет за собой то, что

часть энергии хозяина уходит во вредном для его благополучия направлении. Это совершенно неизбежно: если энергия организма расходуется на что-то иное, а не на его собственное развитие, то она растрачивается. Паразитизм неизбежно приносит для хозяина вредные последствия. Вред возрастает в той же степени, как рост и расширение паразита.

Каждая группа, не принимающая участия в культурном чувстве, но живущая внутри культурного тела, в силу необходимости означает потерю для культуры. Подобные группы образуют, так сказать, зоны невосприимчивой ткани в культурном теле. Такая группа, находясь вне исторической необходимости, вне судьбы культуры, действует против этой судьбы – и это неизбежно. Это явление ни в коем случае не зависит от человеческой воли. Паразит находится в духовном отношении вне, но физически внутри организма хозяина, и его воздействие на хозяина пагубно как с физической, так и с духовной точки зрения. Первое физическое воздействие не участвующих групп внутри культурного тела состоит в том, что число культурного населения вследствие этого уменьшается. Члены чужой группы занимают место людей, которые принадлежат к культуре и которые, следовательно, никогда не родятся. Численность культурного населения искусственно уменьшается на численность паразитирующей группы. Одно из многочисленных воздействий паразитов на животного и человека – это потеря питания, от которой страдает организм хозяина, и проявление культурного паразитизма аналогично. Уменьшая число людей культуры, культурный паразит лишает культуру единственной формы материального питания, в котором она нуждается – постоянного притока человеческого материала, нужного для ее выживания. Только в свете новейших исследований о демографических тенденциях было установлено это вредное для размножения воздействие иммигрантских групп. Сравнительное исследование американских демографических тенденций пришло к выводу, что 40 миллионов человек, которые иммигрировали в Америку с 1790 года до сегодняшнего дня из других частей света, вовсе не увеличивали население Америки, а только изменяли его состав. Надличностная идея должна реализовать судьбоносное задание своей жизни, и если это потребует населения с определенной численностью и с определенным темпом роста, то эта численность населения и этот темп роста возникнут.

Материализм столкнулся с фактами демографических тенденций, но не мог их объяснить. Эти факты показывали постепенный прирост населения европейских наций, который тогда быстро достиг своего апогея, продержался на этом уровне довольно долго и снова стал медленно падать. Описывающая это движение наций кривая – в любом случае, приблизительно такая же – описывает также, как мы увидим, миграционное движение населения высокой культуры. К моменту, когда высокая культура переходит в цивилизацию, численность населения возрастает быстро и достигает чисел, которые намного превосходят все прежнее. Тот же дух времени, который направлял всю энергию культуры наружу на индустриализм и технику, великие революции и

войны, на неограниченный империализм, вызвал к жизни также эту численность людей. Цель жизни западной цивилизации – самая великая, которую когда-либо видел мир, и для ее полного воплощения ей и требовалось это большое количество людей.

Паразитирующие группы в культурном плане не могут быть использованы для идеи. Они расходуют энергию культуры внутрь и вниз. Такие группы – это слабые точки в теле культуры, и опасность внутренней слабости возрастает пропорционально к внешней угрозе культуры. Когда в шестнадцатом веке дальнейшее существование Запада оказалось под угрозой из-за агрессии турок, каждому европейцу было бы совершенно ясно, что большие группы турок внутри Европы – если бы они существовали – представляли бы для нее серьезную угрозу.

Вторым разъедающим субстанцию культуры воздействием культурного паразитизма является внутреннее трение, которое существование таких паразитов порождает в силу необходимости. Во времена Христа в теле арабской культуры находилось большое количество римлян, которые стояли на ступени более поздней цивилизации, совершенно чуждой для местного арамейского населения, стоявшего еще на ступени более ранней культуры. В конце концов, вызванная этим национальная, расовая и культурная напряженность достигла высшей точки в 88 году до Р. Х. в кровавой расправе, жертвой которой пали 80 тысяч римлян. Это привело к Митридатovým войнам, в ходе которых за двадцать два года погибли сотни тысяч человек. Ближе к нашему времени можно назвать напряженность между белыми и китайцами в Калифорнии девятнадцатого-двадцатого веков, которое повлекло за собой взаимное преследование, ненависть, волнения и кровавые эксцессы. Негритянское население, как в Америке, так и в Южной Африке давало повод к подобным всплескам ненависти и насилия с обеих сторон.

Все эти инциденты – это признаки культурного паразитизма, признаки наличия группы, которая полностью находится вне культуры. Эти явления не имеют ничего общего с ненавистью или злонамеренностью на обеих сторонах, как полагала аналитическая рационалистическая точка зрения, которая видела с обеих сторон только группы индивидуумов. Если они избивали друг друга до смерти, то это как раз было в тот момент их особым желанием убить друг друга. Рационализм даже не понимал простого органического феномена массы, не говоря уже о более высоких феноменах, таких как народ, раса, нация, культура. Либералы никогда не задумывались над тем, что в основе этих проявлений напряженности, которые в течение пятитысячелетней истории всегда проявлялись одним и тем же образом, лежала внутренняя потребность. У либералов нет понимания инстинкта, космического ритма, расового такта; для них расовые беспорядки были только признаком недостатка «воспитания», «терпимости» («толерантности»).

Однако, эти эксцессы – это не только отнюдь не следствие ненависти или злых намерений – в действительности все происходит как раз наоборот: демонстрации доброй воли и «терпимости» повышают напряжение между совершенно чужими группами и делают их еще более непримиримыми. Вследствие того, что внимание направляется на существующие между совсем чужими группами различия, эти различия увеличиваются до степени противоположностей и вызывают вспышки ярости. Чем более тесно вынуждены соприкоснуться эти группы, тем более коварной и более опасной станет их взаимная ненависть. В теории прекрасно звучат заявления, что, стоило бы лишь «воспитать» каждого отдельного человека в духе «терпимости», то, мол, больше не было бы расовой или культурной напряженности. Но – не отдельные люди вызывают эти события, а более высокие органические единицы приводят их к этому. Этот процесс в своем истоке никак не связан с волей, сознанием, разумом или даже с душевными переживаниями; они только приводятся в действие как защитная демонстрация культуры против чужого ей образа жизни. Ненависть в такой же малой степени является инициатором этого процесса, в какой «терпимость» может заставить его остановиться.

Для Запада самый трагический пример культурного паразитизма – это наличие во всем западном ареале одной разбросанной по нему части нации, которая принадлежит к арабской культуре. Мы видели, что в той культуре у идеи нации было абсолютно другое содержание: ее нации являлись одновременно государством, церковью и народом – все в одном. Представление об идентичной с определенной областью родине было этой культуре неизвестно. Родина была там, где были верующие. Соплеменники и единоверцы были взаимозаменяемыми понятиями. Эта культура достигла уровня поздней цивилизации, когда готический Запад только что вырастал из своего доисторического времени.

В деревушках просыпающегося Запада – городов еще не было – эти совершенные космополиты строили свои гетто. Представляющееся глубоко религиозному Западу злом денежное мышление было сильной стороной этого высокоцивилизованного чужого народа. Церковь запрещала христианам давать деньги в долг под проценты, и это дало чужакам в руки денежную монополию. Еврейская раса в культурном развитии на тысячелетие опережала свое окружение. В это время возникла легенда о Вечном Жиде, отражавшая то чувство зловещего, которое охватывало европейцев вблизи этого безземельного чужака, который был дома всюду, хотя, как казалось им, он вроде бы не был дома нигде. Запад понимал столь же мало в его Торе и его Талмуде, как он в Христианстве и в схоластической философии. Эта неспособность понимать друг друга породила чувства отчужденности, чувство ненависти и чувство страха.

Ненависть европейца по отношению к еврею была религиозной, а не расовой природы. Еврей был язычником, и из-за своей цивилизованной и интеллек-

туализированной жизни он представлялся европейцу кем-то мефистофельским, сатанинским. Хроники того времени повествуют об ужасах, к которым вело соприкосновение этих двух абсолютно чужих друг другу групп. Евреев перебили в 1189 году в день коронации Ричарда I в Лондоне. В следующем году пятьсот евреев были осаждены чернью в замке в Йорке, и чтобы ускользнуть от народной ярости, они перерезали друг другу горло. Король Иоанн (Безземельный) приказал заключить евреев в тюрьму, вырывать им глаза или зубы и в 1204 году позволил убить сотни евреев. Когда в Лондоне один еврей потребовал от одного христианина, чтобы тот платил ему больше двух шиллингов в неделю за заем в сумме двадцати шиллингов, народ убил более семисот евреев. Крестоносцы на протяжении веков убивали всех еврейских жителей городов, в которых они задерживались по пути на войну в Малой Азии. В 1278 году 267 евреев были повешены в Лондоне по обвинению в фальшивомонетничестве. Эпидемия чумы в 1348 году приписывалась евреям и повлекла за собой кровавые расправы среди евреев во всей Европе. На протяжении трехсот семидесяти лет евреи были высланы из Англии, пока Оливер Кромвель не допустил их снова. Хотя мотивом этих бесчинств не была раса, они, однако, создавали расу. То, что не убило евреев, сделало их сильнее и, как никогда прежде, отделило их в физическом и в духовном плане от народов, среди которых они жили. В течение столетий нашей европейской истории проблемы и процессы, вызывавшие страстное возбуждение в Европе, вообще не касались беспроблемного еврея. Его внутренняя жизнь с завершением культуры, которая создала это еврейское единство церкви, государства, народа и нации, была законченной и застывшей. Конфликт между императором и папой, Реформация, эпоха Великих географических открытий для него ничего не значили. При всем этом он был только зрителем. И занимал его при этом лишь один вопрос: какие последствия это может иметь для него. Никогда не возникала у него мысль, что он мог бы принимать участие в этом или приносить жертву для той или другой стороны. Точно так же англичане в Индии взирали на беспорядки среди местного населения.

В рассеянных по всей Европе гетто все было унифицировано: запреты на определенную пищу, дуалистская талмудистская этика – одна для гоев, другая для евреев – правовая система, письменность, тфилин (молитвенные свитки), ритуалы, чувство. Еврейский суфизм, еврейские секты вроде хасидов, каббалистов, и религиозные вожди, вроде Исраэля Бааль-Шем-Това и иных цадиков, были не только непонятны для западноевропейских людей, но и неинтересны им. Западные люди были полностью поглощены интенсивными конфликтами в своей собственной культуре и вовсе не воспринимали в своем кругу жизнь евреев, разве что если она не касалась их непосредственно.

Только в направленном наружу, отчужденном, опирающемся лишь на факты двадцатом веке западная культура открыла еврея как культурный феномен. В готическое время, вплоть до Реформации, она видела его как язычника и

ростовщика, в контрреформации как ловкого коммерсанта, в век Просвещения как образованного светского человека, в век рационализма как борца на самой передней линии за освобождение из оков культуры и ее традиций. Двадцатый век впервые увидел, что у еврея вплоть до самых маленьких подробностей была своя собственная общественная жизнь, свой собственный мир. Он понял, что всеобъемлющее мировоззрение еврея было во всем полной противоположностью мировоззрения европейца и поэтому совершенно ему чуждым. Раньше такое даже и не предполагалось.

В прежние века отношение Запада к еврею обуславливалось соответствующей степенью развития, но в двадцатом веке с его универсальным взглядом на мир впервые стала видна совокупность того, что называют «еврейским вопросом». Не раса, не религия, не этика, не национальность или принадлежность к политической партии разделяет еврейство и Запада, а нечто, включающее все это – культура.

В каждой отрасли европейской культуры еврей развил свой собственный вкус, и если он вмешивается в общественную жизнь европейских народов, то он ведет себя очевидным образом, а именно в стиле общественной жизни еврейского единства церковь-государство-нация-народ-раса, той модели общественной жизни, которая была невидимой для духа Запада до двадцатого века.

Как все нации в конце их цивилизации, например, индусы, китайцы, арабы, еврейская нация тоже окаменела в кастовой системе. Раввины у евреев соответствуют брахманам в Индии и мандаринам в Китае. Раввины были хранителями судьбы еврейского единства. Если среди евреев попадались вольнодумцы, то долгом местного раввина было предотвратить схизму. Потому Уриель Акоста, еврейский вольнодумец, был заперт в Амстердаме тамошней синагогой и подвергался там такой нужде, что, наконец, покончил с собой. Та же синагога отлучила от иудаизма Баруха Спинозу, а затем совершила неудавшееся покушение на его жизнь. Спинозе предлагались большие взятки для его возвращения к иудаизму, а когда он отказался их принять, его проклинали и изгнали. Вождь хасидов, восточно-еврейской секты, Шнеур Залман, в 1799 году, после суда его собственного народа над ним, был передан раввинами российскому правительству, так же, как инквизиция передавала осужденных ею еретиков государству для приведения приговора в исполнение.

Современная Европа даже не видела этих событий, но даже если бы и видела, то все равно бы их не поняла. У Европы было свое предубеждение по отношению ко всему еврейскому, так же, как и евреи смотрели на Европу с точки зрения их прогрессивного мировоззрения.

Парсы, которые живут в рассеянии в Индии среди чужаков, тоже являются осколком арабской культуры. У парса в отношении окружающих его людей было такое же превосходство в деловом отношении, как у еврея на раннем Западе. Также и внутренняя жизнь парса была совершенно отделена от окружающих его иностранцев, и у него были абсолютно другие интересы. В беспорядках и восстаниях во время британского господства парс принимал столь же мало участия, как еврей в Тридцатилетней войне, в войнах за наследство и в конфликте между Бурбонами и Габсбургами. Различие в культурном уровне приводит к полной духовной изоляции. Отношение еврея к европейской напряженности было отношением Понтия Пилата к процессу против Иисуса Христа. Для Пилата религиозный спорный вопрос, о котором шла речь, оставался совершенно непонятной тайной, относился к цивилизации в ее последней фазе; тысяча лет отделяла его от религиозного волнения его собственной культуры.

Тем не менее, побуждения рационализма в Западной Европе обозначают водораздел в общинной жизни отделенной в западной культуре части иудаизма.

*

Культурный кризис рационализма принадлежал к судьбе Запада как к судьбе всех предшествовавших культур. Он был поворотным пунктом от направленной вовнутрь жизни культуры к обращенной наружу жизни цивилизации. Основной идеей рационализма является свобода – что означало свободу от оков культуры. Наполеон освободил военное искусство от стиля битвы под Фонтенуа, где в 1745 году каждая сторона вежливо просила другую, чтобы та выстрелила первой. Бетховен освободил музыку от совершенства формы Баха и Моцарта, а террор 1793 года освободил Европу от мысли о святости династии. Материалистическая философия освободила ее от духа религии, и, наконец, ультрарационализм освободил науку от философии. Следующие друг за другом революции освобождали цивилизацию от достоинства государства и его высоких традиций и втянули ее в грязную сферу партийной политики. Классовая борьба была освобождением от иерархического общественного устройства. Новая идея «человечества» и «прав человека» освободила культуру от древней гордости с ее исключительностью и чувством превосходства. Феминизм освободил женщин от естественного достоинства их пола и сделал их неполноценными мужчинами.

Анахарсис Клоотс составил депутацию «представителей человеческого рода», которые нанесли визит, чтобы выразить свое почтение правлению революционеров во Франции. В нее входили китайцы с косами, черные эфиопы, турки, евреи, греки, татары, монголы, индийцы и бородатые халдеи; в действительности это были, разумеется, просто переодетые парижане. У этого шествия как раз в начале века рационализма было двойное символическое

значение. Оно с одной стороны символизировало желание Европы обнять теперь все «человечество», а с другой, тот факт, что делегаты были переодетыми европейцами, в точности указывал на успех, который был бы дарован этому интеллектуальному фанатизму.

Еврей, естественно, видел, как все это происходило. Жизнь, сопряженная с угрозой преследования, отнюдь не способствует уменьшению интеллекта и бдительности. Уже в 1723 году евреи добились права на земельные владения в Англии, а в 1753 году они получили право на английское гражданство; впрочем, их снова лишили этого права в следующем году после петиции всех городов. В 1791 году они достигли во Франции полного равноправия, а в 1806 году император Наполеон созвал Великий Синедрион (Высший Совет; еврейский государственный орган власти) и тем самым дал официальное признание существования еврейского единства народа-государства-нации внутри Запада.

Однако имелось нечто, препятствовавшее тому, чтобы только что созданное положение стало таким идиллическим, каким так хотела видеть его либеральная сентиментальность. Восемьсот лет ненависти, грабежа и убийств и преследования с обеих сторон породили в еврействе традицию ненависти по отношению к Западу, которая была еще сильнее, чем старая ненависть Запада к еврею. В избытке своего нового великодушия и радостной щедрости Европа отказывалась от ее старых чувств, но сам еврей не был способен к этому. Восемьсот лет бессильной ненависти нельзя было «убрать» новогодним решением чуждого Запада. Тут противостояли друг другу надличностные организмы, которые не знают человеческого разума и человеческих чувств, гигантская цель жизни которых исключает «терпимость» – кроме как в виде кризисного симптома. В борьбе такого рода люди – это, в принципе, просто зрители, даже если у них активная роль. Человеческая злонамеренность и мстительность играют только маленькую, второстепенную роль в таких конфликтах и они, если проявляются в отдельном человеке, являются лишь выражением более высокой, глубокой и тотальной несовместимости надличностных идей.

Новые движения – капитализм, промышленная революция, демократия, материализм – были неслыханно воодушевляющими для еврея. Уже в середине восемнадцатого столетия он почувствовал их возможности и содействовал их росту любым способом. Как посторонний он был вынужден действовать скрытно, и тайные общества иллюминатов и их ответвления были его творениями, как доказывают их кабалистическая терминология и ритуалы. Больше чем две трети Генеральных штатов, которые прокладывали дорогу Французской революции 1789 года, были членами этих тайных обществ и обязались подрывать государственный авторитет и вводить идею демократии. Еврей последовал приглашению Запада участвовать в его общественной жизни, но

для него было невозможно за одну ночь утратить свое тождество, и таким образом у него было отныне две общественные жизни.

Под натиском новых идей рассыпались старые европейские традиции, и еврей карабкался на вершину. Ротшильды стали в 1822 году австрийскими баронами – что столетием ранее было бы чудовищно для обеих сторон. В Англии в 1833 году евреи проникли в адвокатское сословие, а в 1837 году первый еврей был посвящен королевой Викторией в рыцари. Запад принял еврейский дуализм, и парламентский акт (Указ королевы Виктории №9) освободил евреев, которые были избраны в местное самоуправление, от принесения клятвы (на Библии – прим. перев.). С сороковых годов евреи становились депутатами парламента, а в 1855 году лордом-мэром Лондона стал еврей. Связанные с традицией европейские круги пытались всему этому сопротивляться, но еврей каждый раз добивался нового триумфа. Было отчетливо видно, что усилия, направленные к «терпимости», не достигали своей цели с обеих сторон.

Случай мальчика Эдгара Мортары был показательным примером власти и влияния, которые приобрел еврей. Этот ребенок был в 1858 году насильственно взят у его еврейских родителей, обычных частных лиц, архиепископом Болоньи под предлогом, что его окрестила служанка-итальянка. Уже в том же году последовало официальное безотлагательное требование французского правительства вернуть мальчика родителям. В следующем году архиепископ Кентерберийский, английские епископы и дворяне подписали петицию, которая была передана лордом Джоном Расселом и просила о восстановлении прав еврейских родителей.

Но преследования продолжались – были беспорядки в Бухаресте в 1866 году, в Риме в 1864 году, в Берлине в 1880 году и в России в течение всего столетия и вплоть до двадцатого века. Преследования в России продемонстрировали в итоге силу еврейства в западных нациях. Протесты, заявления, комитеты стремились облегчить участь евреев в России и парализовать русское правительство. Погромы на Украине после Русско-японской войны 1905 побудили американское правительство разорвать дипломатические отношения с Россией.

Ни ненависть, ни нетерпимость не могут объяснить многочисленные злополучные последствия, которые принесло рассеяние евреев в западных нациях. И ненависть с обеих сторон тоже была лишь следствием. Чем больше говорили о терпимости, тем больше обращали внимание на различия, и вследствие этого они обострялись до противоположностей. Тогда они с обеих сторон вели к открытой или скрытой конфронтации и к применению физической силы. Также и упрек в адрес евреев, что они, мол, упустили возможность ассимилироваться, это не объяснение. Ведь этим самым попрекают человека за то, что он остается самим собой, а понятия этики распространяются не на то,

кем является человек, а на то, что он делает. «Еврейский вопрос» не может быть объяснен ни на этический, ни на расовой, национальной, религиозной или социальной основе, а только на тотальной, т.е. культурной основе. До сих пор европеец видел, в соответствии с соответствующей культурной фазой, в которой он находился, всегда только один аспект еврея. В готическое время, во время религиозной фазы Запада, он видел лишь религиозное различие; в эпоху Просвещения с ее идеями «Человечества» социальное различие. В материалистическом девятнадцатом столетии с его вертикальным расизмом подчеркивалось различие рас. Только в этом веке, когда Запад переходит в стадию единства культуры, нации, расы, общества, экономики и государства, еврей может ясно быть распознан в своем собственном тотальном единстве – внутренне совершенно чуждом душе Запада.

*

Девятнадцатый век видел феномен культурного паразитизма только как паразитизма в пределах нации и таким образом как локальный факт. По этой причине встречающийся в каждой стране феномен, который называли антисемитизмом, был только частичной реакцией на состояние, которое в действительности являлось культурным, а не только национальным.

Антисемитизм культурной патологии соответствует в патологии человека образованию антител в крови. В обоих случаях организм противится чужой жизни. Оба они – неизбежное, органически необходимое выражение судьбы, которая борется с чужим, исполняя то, что ей свойственно по природе. Следует неустанно повторять, что ненависть и злонамеренность, терпимость и добрая воля вообще не имеют никакого отношения к этому фундаментальному процессу. Культура – это организм, хотя организм и другого рода, нежели человек, но фундаментальные закономерности органической жизни действуют во всех организмах каждого рода, будь то растение, животное, человек или культура. Эта иерархия организмов – это, очевидно, часть божественного плана, и ее не могут изменить ни непрерывная пропаганда, ни сама себя отрицающая «терпимость», ни еще какой-либо иной полный самообман.

При рассмотрении антисемитизма поднимаются вопросы, которые принадлежат больше к области культурного искажения, чем к области культурного паразитизма, и потому здесь достаточно сказать, что антисемитизм – снова по аналогии с патологическим феноменом образования защитных веществ – это другая сторона наличия культурного паразитизма в крови человека – и может пониматься только как одно из его последствий. Антисемитизм органичен и нерационален как реакция человеческого тела на болезнь. Культурный паразитизм – это феномен сосуществования хозяина и абсолютного чужака, и оно также абсолютно нерационально. Не существует разумной причины для культурного паразитизма. Наоборот, разум требовал бы, чтобы чужая группа растворилась и слилась с окружающей ее жизнью. Это положило

бы конец непреклонному преследованию, бесплодной ненависти, бесполезной борьбе. Но жизнь остается нерациональной, даже и в век рационализма.

Феномен культурного паразитизма в высокой культуре не ограничивается, как показывает история Америки, метрополией культуры. Америка возникла как колония западноевропейской культуры. Эта единственная фраза содержит судьбу Америки. Она заранее ставит пределы возможностям Америки. Сначала нужно исследовать идею колонии. Что такое колония? Она – творение культуры, произведение, которое уже лишь через само свое насаждение является в духовном плане чем-то изолированным. Другими словами, у нее нет внутренней необходимости, нет миссии, и поэтому она зависит в своем духовном питании от материнской культуры. Это так же верно для Америки в западноевропейской культуре, как было верно для Сиракуз и Александрии в античной и для Гранады и Севильи в арабской культуре. Хотя плодотворные импульсы могут исходить и из периферии культурного тела – пусть даже редко – но, все же, они получают значение только при их развитии в центре культуры. Эта духовная зависимость колоний представляет собой слабость, которая выражается в недостаточном сопротивлении против чуждых культур. Следует ожидать, что в колонии будет лишь небольшое сопротивление против культурно чуждых, так как осознание культурной миссии не является в колонии всеобщим, а есть лишь, максимум, в отдельном человеке или в лучшем случае в маленьких группах. История колоний показывает нам – Сиракузы тому пример – что культурные кризисы отражаются в них сильнее, даже автопатические, как появление рационализма. Колония более подвержена разложению, так как в ней нет структурирования культуры. В колонии нет, и не может быть слоя носителей культуры. Этот слой – это орган связанной с ландшафтом высокой культуры. Культура не может быть пересажена, даже если ее население эмигрирует и поддерживает связи с культурным телом. Колонии – это духовные продукты культуры и воплощают жизнь на менее сложном и структурированном уровне, чем жизнь творческой культуры.

Этот элементарный факт подсознательно всегда хорошо понимали в Америке, однако в двадцатом веке его столь же яростно отрицали. Американские ученые и писатели в девятнадцатом веке ассимилировали западноевропейскую культуру и ассимилировались ею. Появление Эдгара Аллана По вызывало снова и снова удивление из-за его высококультурного мышления и независимости от его окружающей колониальной среды. Стоящая выше в духовном плане художественная литература Америки всегда считалась, и в большинстве случаев справедливо, ответвлением английской литературы.

Убожество американской литературы обусловлено колониальной судьбой, в то время как ее немногие большие имена представляют собой выражение западной культуры. Американцы всех профессий, если они были или хотели быть в этом отношении значительными фигурами, за все два прошлых века всегда духовно опирались на центр тяжести в Европе – Вашингтон Ирвинг,

Натаниел Готорн, Ральф Эмерсон, Джеймс Уистлер, Фрэнк Харрис, Генри Джеймс, финансовая плутократия, Уилсон, Эзра Паунд. Познавательное путешествие по Европе по традиции принадлежит в Америке к воспитанию. Европа всегда продолжала обладать теми элементами в Америке, у которых было чувство культуры или культурных амбиций.

После испано-американской войны (1898-1899) Америка превратилась в мировую державу, и стало модно отрицать духовную зависимость от Европы; но, тем не менее, этот факт остался. Теперь нас уже не поражает, если касающийся культуры факт не обращает внимания на желания, на намерения, требования и утверждения людей. Америка – это, между тем, тема, которой следует рассмотреть отдельно, так как заболевание западноевропейской культуры придало ей новое значение в мировой политике. В этом месте мы рассмотрим лишь один аспект: существование культурного паразитизма в Америке.

С начала семнадцатого и вплоть до девятнадцатого века работорговля привезла в Америку миллионы африканских аборигенов. В восемнадцатом и в первой половине девятнадцатого столетия они образовали большую, весьма плодотворную и совершенно чужую паразитирующую группу. Это хороший пример исключительно культурного значения понятия «паразит», ибо это понятие не имеет никакого отношения к работе в экономическом смысле. Африканцы в Америке были экономически важны, и, после того, как на них построили экономику, они фактически были также и необходимы. Классовая борьба сделала привычкой называть всех людей, кроме тех, кто занимается ручным трудом, «паразитами». Это было полемическим наименованием и не имеет ничего общего с феноменом культурного паразитизма. Вопреки экономической пользе негр был явлением культурного паразитизма в Америке. Первое воздействие присутствия такой паразитирующей на культуре группы нам известно. Она вытесняет еще не рожденных белых людей в Америке. Помогая при достижении жизненной цели, она делает миллионы, которые остаются еще не рожденными, излишними, и таким образом эта большая масса африканцев уменьшила население Америку на 10 %, так как в этот момент – в 1948 году – в Америке проживают 14 миллионов негров из общего населения 140 миллионов. Модный и материалистический метод объясняет это вытеснение в Америке тем, что белые люди не рожают детей, чтобы экономически конкурировать с чернокожими и их низким уровнем жизни. Если экономика становится навязчивой идеей, то все явления, естественно, объясняются экономическими причинами. Но факты демографических тенденций населения, что население органической единицы следует ее жизненному пути с почти математической точностью, совсем независимо от переселения, от желаний отдельных людей и от неорганических объяснений. Вытеснение это имеет культурную природу, т.е. тотальную, и не может объясняться только экономическими причинами.

Еще более основательно разложившийся благодаря рационалистическому кризису колониальный менталитет не был в состоянии эффективно защищаться против возрастающего вытеснения белого населения африканцами. С такой же неспособностью хотя бы понять, не говоря уже о том, чтобы защититься, Америка также не оказывала сопротивления, когда арьергард арабской культуры получил намного больший численный объем и присвоил себе куда большую роль, чем когда-либо в Европе.

Примерно в 1880 году евреи начали то, что Илер Беллок так удачно назвал вторжением в Соединенные Штаты. Даже одно их число оправдывало бы это выражение. Хотя это число нельзя назвать точно, так как американская статистика переселенцев учитывает только законное происхождение, т.е. гражданство, но его примерно можно определить путем исследования численности населения США в настоящее время и уровня еврейской рождаемости. Но насколько это, все же, типично для абсолютного несовпадения между двумя различными культурами, что массовое движение членов одной культуры в пределах другой культуры происходило без того, чтобы хотя бы оставить след в статистике. Иммигранта спрашивали о месте его рождения, и это решало все прочее в материалистическом девятнадцатом столетии. Определяли его язык, который служил тогда мерилем для его национальности, которая, как предполагали, предопределяет все другое. Окаменелости мертвых культур – как Индия, Китай, Ислам, иудаизм – рассматривались как «нации» в европейском смысле слова. Америка начинала свое независимое политическое существование как творение рационализма. Ее политики принимали утверждение – внешне – что «все люди были рождены равными», и даже говорили, что это само собой разумеется. Находить это естественным и тем самым отказываться от приведения доказательств, было легче и также умнее, вероятно, чем пытаться доказывать это. Доказательство только разрушило бы то, что стало догматом веры и тем самым возвысилось над всем разумом. Рационализм господствовал в Америке так, как он никогда не смог бы господствовать в Европе. В Европе всегда существовало сопротивление против него – вплоть до середины девятнадцатого столетия на основе традиции и с тех пор на основе предчувствия приходящего антирационалистического духа двадцатого века, примерами чего могут служить Томас Карлейль и Фридрих Ницше. Напротив, у Америки не было традиции, и в ней также не могло быть предчувствия, так как импульсы культуры и содействующие культуре явления исходят из материнского ландшафта и излучаются им.

Америка получала своих евреев также от Европы и стала их жертвой так же, как и жертвой полученной оттуда материалистической философии. Это не было случайностью. Среди еврейского населения Европы очень быстро распространилась весть, что антисемитизм в Америке был гораздо меньшей угрозой, чем в Европе, а другие условия, как экономические, были равны тем, которые Европа должна была предложить евреям. Это было абсолютно правильно и делало честь еврейскому инстинкту. Америка в конце девятна-

дцатого века, без сомнения, была страной, которая предоставляла еврею богатые возможности. С 1880 по 1950 годы в Америку прибыли приблизительно – мы помним, что точной статистики нет – от 5 до 7 миллионов евреев, которые происходили преимущественно из восточного еврейства, средневропейских и восточноевропейских евреев. Сегодня в Америке, исходя из религиозной статистики и рождаемости, насчитывается от 8 до 12 миллионов евреев. Это значительная цифра, и она влечет за собой вытеснение соответствующего количества американцев. В 1916 году американский писатель Мэдисон Грант описал, как американца старого закала в Нью-Йорке изгоняют с улиц стаи евреев. Он называет их «польскими» евреями, по тогдашнему обычаю прилагать европейскую национальность к евреям. Соответственно этому европейцы привыкли различать евреев английских, немецких и т.д.

Америка по представленным выше причинам лишь в самой незначительной степени могла понимать природу еврея, в то время как в Европе даже в девятнадцатом веке, однако, всегда было несколько человек – как Карлейль – которые осознавали не только политическую, но и тотальную инаковость еврея. Но в лишенной традиций Америке не было своих Карлейлей и Лагардов. Следовательно, Америка в середине девятнадцатого века решила, что рожденный в Америке китаец мог бы в равной степени претендовать на те же гражданские права, что и местное белое население европейского происхождения. Характерно, что это решение было принято как результат процесса, согласно американской привычке выяснять политические вопросы в псевдозаконной форме. Было очевидно, что режим, не делающий различие между китаецем и коренными американцами, также не стал бы сооружать политический барьер против еврея. И таким образом занимающийся историческими и всемирно-политическими темами французский писатель Андре Зигфрид мог уже в 1928 году сказать, что город Нью-Йорк несет семитский отпечаток. К середине нашего столетия это развитие пошло еще дальше вперед, и жители Нью-Йорка, самого большого города Америки и, вероятно, мира, были почти наполовину евреями.

*

Но Америка с ее тотальным дефицитом духовной сопротивляемости, порожденным душевной слабостью колонии, была также принимающей гостей страной для других больших культурно-паразитирующих групп. В период самого большого переселения прибывали не только евреи, но и много миллионов славян с Балкан. Только между 1900 и 1915 годами 15 миллионов человек из Азии, Африки и Европы иммигрировали в Америку, больше всего – из России, Ближнего Востока и балканских стран. Значительное количество итальянцев были единственной группой среди этих иммигрантов, которые принадлежали западной цивилизации. Эти миллионы вызывали уже одной своей численностью явления культурного паразитизма. С периферии каждой группы, пожалуй, отдельные люди поднимались к американскому жизне-

ощущению, но группы как таковые оставались. Это проявлялось в том, что у каждой группы была ее собственная пресса на своем языке, в групповой сплоченности для достижения политических целей, в географической централизации различных групп и в их общественной закрытости. При исследовании сущности расы мы видели, что славяне европейских культурных народов могли ассимилироваться, и на самом деле ассимилировались. Две основных проблемы характеризуют отношение американцев к славянам и объясняют, почему славяне сохранили свое групповое существование, хотя они жили внутри населения, находящегося под постоянным влиянием западной цивилизации. Во-первых, Америка вследствие ее колониального образа жизни иммигрантам не могла в такой большой степени накладывать отпечаток своей культурной идеи, как это могли делать европейские нации на родной земле культуры. Во-вторых, насчитывающие много миллионов иммигранты уже одной своей массой порождали патологическое состояние в американском организме. Даже если бы эти миллионы были по происхождению более европейскими, скажем, французами или испанцами, они все равно с политической точки зрения образовали бы паразитирующую группу. Естественно, такая группа, в конце концов, растворилась бы, но при этом, однако, все равно оказала бы искажающее воздействие на американскую политику. Такие большие славянские группы, с другой стороны, руководители которых, могут выковать из такой группы твердый единый блок, растворятся в принявшем их американском народе при таких обстоятельствах только очень медленно, если вообще растворятся.

У Америки есть другие, меньшие паразитирующие группы, каждая из которых занимает место американцев, которые из-за нее не рождаются, и вызывает досадные сцены ненависти и обиды, истощающие и деформирующие надличностную жизнь. К ним относятся группа японцев, различные левантийские группы и группа русских.

При поверхностном рассмотрении могло бы показаться, как будто бы случай Америки свидетельствует против представленной раньше точки зрения на расу, но это вовсе не так. Американский пример не может служить мерилom для Европы, так как Америка – это колония, это область пониженной культурной чувствительности с соответствующей меньшей способностью к ассимиляции. Другими словами: ее приспособляемость слабее, чем приспособляемость метрополии. В случае Америки речь идет не о том, что в ней слишком много, а о том, что в ней как раз недостаточно ассимиляции. Чужие группы, будь они только политически чуждыми как европейская группа в другой европейской нации или совершенно чуждыми как еврей в европейском народе, среди которых он живет – это только паразиты, до тех пор, пока они остаются группами. Если они растворяются, то итоговая сумма ассимилирующего населения возросла. Тот факт, что это нужно приписывать переселению вместо увеличения рождаемости у местного населения, не важен. Только факт, что они смогли ассимилироваться, показывает, что они не были чуждыми в

смысле паразитов. Также при исследовании культурного паразитизма нельзя не заметить в Америке следующего обстоятельства: американское население приняло в свое кровообращение в течение девятнадцатого века много миллионов немцев, ирландцев, англичан и скандинавов, и даже иммигрировавшие уже в двадцатом веке люди из этих стран уже полностью ассимилировались. Большое количество иммигрировавших немцев и ирландцев участвовали в Гражданской войне в армии северян и с большим успехом – что никогда не было бы возможным с чуждыми культуре группами, например, евреями или славянами.

Америку называли плавильным тиглем. Это не так, ибо массивные группы культурно чуждого происхождения не «сплавились», а остались разделенными. Группы, которые не были чужды культуре, сразу ассимилировались – т.е. в следующем поколении – и потому расовое понимание двадцатого века действительно также и для американской сцены. Неассимилируемые группы составляют от 30 до 50 % американского населения. Славянские группы, кажется, медленно ассимилируются, но даже если бы они совсем исчезли, то остающиеся культурно-паразитирующие группы представляли бы собой все еще в высшей степени рискованное для Америки патологическое состояние.

Устаревшее восприятие вертикального расизма не может извлечь урока из случая Америки, так как то, что мы там видим, это не смешение рас, а их несмешивание. Все эти паразитирующие группы оторвались от их старых ландшафтов, но не получили никаких новых духовных связей. Только безземельный еврей, несущий в себе нацию, церковь, государство, народ, расу и культура, сохранил свои древние корни. Феномен культурного паразитизма, хотя и оторван абсолютно от всякой этики, не стоит вне политической сферы. Не имеет никакого смысла говорить о чуждых культуре группах с понятиями похвалы и порицания, ненависти или «толерантности».

Войны, беспорядки, кровавые расправы, разрушение, вся бессмысленная растрата сил во внутренних конфликтах – все эти явления встречаются неизбежно, если культурный паразит истощает организм хозяина, и остаются до тех пор, пока продолжается патологическое состояние.

Культурный паразитизм, вызывая появление сопротивления, оказывает вдвое более вредное воздействие на тело культуры и ее нации. Температура – это защитный симптом человеческого тела, но это еще не делает температуру положительной ценностью для здоровья. Ее ценность отрицательного рода, и даже как вылечивающий фактор она остается составной частью болезни. Проявления сопротивления, такие как антияпонизм, антисемитизм и антинегрзм в Америке так же мало желательны, как и состояния, с которыми они борются. В том же смысле и европейский антисемитизм также не имеет положительной ценности и, кроме того, если он достигает преувеличенной степени, то может легко переродиться в другой вид культурного заболевания.

ния, в то обостренное состояние, которое при определенных обстоятельствах также может породить культурный паразитизм: культурное искажение.

Культурное искажение

Могущественная судьба высокой культуры обладает такой же силой над культурным организмом как судьба растений над растением, человеческая судьба над человеком. Эта сила, какой бы мощной и неоспоримой она ни была, тем не менее, не абсолютна. Ее природа органическая, а организм – это взаимосвязь внутренней части с внешней, микрокосма с макрокосмосом. Хотя никакая внутренняя сила не может устоять против судьбы организма, но иногда внешние силы – на всех жизненных уровнях – могут, однако, вызывать болезнь и смерть организма. Микроорганизмы, которые проникают в тело человека, вызывают болезнь, так как их жизненные условия полностью отличаются от жизненных условий человека. Их благополучие означает его гибель. Они – внешняя сила, даже если они действуют внутри организма. Таким образом, слово «внешний» означает нечто духовное, а не нечто пространственное. То, у чего есть отдельное существование, является внешним, и абсолютно несущественно, как оно может вести себя с физической точки зрения. Все, у чего есть одна судьба, – это одно; все с другой судьбой – это другое. На войне предатель в пределах крепости может быть для осаждающей армии столь же ценен, как половина ее солдат. Этот предатель, хоть и находится внутри, на самом деле – снаружи.

Жизнь – это воплощение возможного. Но жизнь многообразна, и одни организмы разрушают другие организмы, осуществляя свои собственные возможности. Животные поглощают растения, растения уничтожают друг друга, люди опустошают все виды и режут миллионы животных. Высокие культуры вызывают одним своим существованием у посторонних негативные импульсы. Кто не участвует в культуре, которая придает принадлежащим к ней такое бесспорное превосходство, тот инстинктивно решает уничтожить ее. Чем сильнее оказывается давление высокой культуры на посторонние народности, тем более нигилистским становится возникающее в них чувство. Чем шире географическая экспансия культуры, тем быстрее распространяется в мире среди стоящих вне этой культуры народов воля к ее уничтожению. Формы жизни враждебны друг другу; воплощение одной является смертью для другой, или, иными словами: жизнь – это война.

Высокая культура – это не исключение из этого жизненного правила. Ее существование разрушает другие формы, и, с другой стороны, она втянута в борьбу за существование против посторонних, пока она существует. Попытаться при этом провести различие между нападением и обороной – это полная чепуха. Оборона – это нападение, нападение – это оборона. Вопрос, кто наносит на войне первый удар, стоит на том же уровне, что и вопрос, кто из

боксеров бьет противника первым. На своем пути в эпоху войн двадцатый век выбрасывает все это лицемерие и юридические фокусы. Но, столкнувшись с этим самым критическим временем, временем, которое предъявляет наибольшие требования к его душевно-умственным резервам и его физическим ресурсам, этот век тяжело болен. Его болезнь – это культурное искажение.

Мы называем культурным искажением состояние, при котором внешние образы жизни уводят культуру с ее правильного жизненного пути. Так же, как болезнь человека может вывести его из строя, так происходит и с культурной болезнью, и как раз это случилось с Западом после рубежа веков. Запад должен ясно осознать, что является культурным искажением.

Мы уже видели, что слово «внешний» не имеет никакого географического значения, если оно употребляется в органическом смысле. Феномен культурного искажения – это результат деятельности внешних сил внутри культурного тела; они принимают участие в общественной жизни и в политике и направляют физические и духовные силы культуры на проблемы, которые не имеют ничего общего с ее внутренней задачей. Одного мгновения размышления достаточно, чтобы понять, что во время культуры – в строгом смысле – до поворота к цивилизации такое культурное заболевание не было бы возможным. В течение этого времени формы культуры, во всех жизненных направлениях, были настолько высокоразвитыми, что не только для их освоения требовались высокоодаренные люди, но и они сами также овладевали этими людьми. Европейский мыслитель, художник или человек действия вряд ли в семнадцатом веке попытался бы сконцентрировать европейские силы на азиатском мышлении, азиатском искусстве или формах действия. Во всяком случае, на протяжении восьмисот лет на Западе такого не бывало, разве что в рудиментарных истоках. Мы не можем представить себе Оливера Кромвеля, Акселя Оксеншерну или Йохана ван Олденбаренвелта, занимающихся восстановлением династии Аббасидов в Малой Азии или изгнанием маньчжурских узурпаторов из окаменевшей китайской культуры. Однако если бы некий европейский государственный деятель с успехом направил бы европейские силы на такое совершенно чужое и бесплодное предприятие, то это было бы культурным искажением. Если бы некоему художнику удалось превратить западноевропейскую живопись маслом в стиль египетской линейной живописи или античной скульптуры, то это тоже являлось бы культурным искажением. Будущая европейская философия истории в двадцатом и двадцать первом веках подробно фиксирует те искажающие воздействия на архитектуру, литературу и экономическую теорию, которые принес инициированный Иоганном Винкельманном в восемнадцатом веке восторг по отношению к античности. Она представит также бесчисленные искажения – во всех областях европейской жизни, также и действия – которые во время рационалистического периода (1750-1950) были порождены культурным паразитизмом. Это произведение занимается в первую очередь той стороной жизни, которая

связана с действием, и с проявлениями искажений в настоящем и ближайшем будущем, т.е. за следующие сто лет.

При отображении структурированности высокой культуры мы увидели, что понимание идеи доступно не всему населению культурной области. Более высокий, душевно более чуткий слой заинтересованно открыт по отношению к идее, но внизу эта открытость становится все меньше; «внизу», естественно, понимается тут не в экономическом или общественном, а в душевно-умственном смысле. Поэтому можно найти человека самого низкого духовного слоя на самом высоком посту, вроде чудовища Жана-Поля Марата. Такие индивидуумы внешне производят впечатление членов культуры; они не принадлежат к другой культуре, не являются мертвецами из прошлого, но в их душах живет желание разрушения всей созидающей жизни. Это не зависит от их мотивов, потому что их образ мыслей ясен.

Такие индивидуумы, которые образуют целый большой слой в этом столетии, просто находятся под культурой. Они только физически присутствуют внутри культурного тела. Они проявились в Англии в событиях вроде восстаний Уота Тайлера и Джека Кэда; в Германии шестнадцатого века в крестьянских войнах и во Франции в терроре 1793 года и в Парижской коммуне 1871 года. В немецкой нации девятнадцатого века этот слой был известен как немецкий Михель. Появления этого вида не следует путать с культурным паразитизмом. Элемент Михеля – который проявляется во всей Европе, а не только в прежней немецкой нации – это просто осадок, но сам по себе он не является чуждым. Это органическая составная часть каждой культуры, тогда как паразитизм является просто случайным и не необходимым. Элемент Михеля в культуре не патологический и сам по себе не является опасностью для культуры. Единственная опасность, исходящая от него, состоит в том, что он служит воле уничтожения, будь она автопатической, как в либерализме, коммунизме и в демократии, или экзопатической, как в случае внеевропейских держав, которые в век мировых войн породили низшую точку падения европейской цивилизации. Как раз в этой ситуации европейский Михель продемонстрировал свой разрушительный потенциал. Он поклонялся либо примитивности русского вандализма, либо портящему души злу голливудизма. Исключительно благодаря этому европейскому слою Михелей неевропейские силы смогли разделить Европу между собой и в физическом и в духовном плане. Именно европейские Михели, с их предрасположенностью к бесформенному, позволили Европе стать жертвой варвара и губителя. В своей неизмеримой ненависти ко всему великому и творческому они даже позволили сформировать из себя во время Второй мировой войны диверсионные и боевые группы внутри Европы, чтобы работать для военной победы варваров. После войны они узнали, между тем, что их умение было тесно связано, однако, с творческими силами культуры, так как они вместе с остальной Европой тоже страдали от ужасных последствий победы варваров и губителей.

Судьбу живого организма нельзя путать с диаметрально противоположным ей учением предопределения. Последнее основывается на причинно-следственной идее, как в ее религиозной форме, кальвинизме, так и в ее материалистической форме, механицизме и детерминизме. Судьба – не причинная, а органическая необходимость. Причинность претендует на абсолютную необходимость, судьба напротив является только внутренней необходимостью, и каждый ребенок, погибший во время игры из-за несчастного случая, показывает нам, что судьба подчинена внешнему случаю. Судьба только говорит: если это будет, то это будет так, а не иначе.

В начале нашего рассмотрения культурного витализма было сказано, что если бы внекультурным силам после Второй мировой войны удалось разрушить весь слой носителей культуры Европы, то этот слой снова появился бы через 30 – 60 лет. Это утверждение было, естественно, только гипотетическим, так как этот слой не удалось разрушить, что доказывается даже одним тем фактом, что это произведение было написано и читается. Это утверждение основывается на крепкой, вечно молодой жизненной силе высокой культуры. У Запада есть будущее, и это будущее должно наполняться внутри. Мы различаем внутреннее и внешнее, так как то, осуществляет ли Запад свои внешние возможности, это дело случая в той же мере, как и дело судьбы.

Внутреннее будущее Запада включает многие необходимые процессы, такие как возрождение религии, достижение новых высот в технике и химии, совершенствование права и управления и прочие. Они все могли бы быть реализованы и при длительной оккупации варварами из других частей света. Самая величественная и самая могучая сторона жизни, сторона действия, войны и политики, выражалась бы под таким режимом в форме длительного, непреклонного, ожесточенного сопротивления против варваров. Вместо того чтобы водружать знамя Запада в самых удаленных пунктах земли, она должна была бы ограничиться тем, чтобы попытаться освободить священную землю Европы от тирании примитивных. Поэтому это не является причинно-следственным мышлением предопределения, когда говорится, что слой носителей культуры снова восстановился бы даже тогда, если бы все его члены были устранены после войны судами палачей. Это утверждение включало следующее: либо Запад исполнит свою сильную, всемирную судьбу неограниченного, абсолютного империализма, либо вся эта его сила будет растратчена на европейской земле в войне против чужаков и служащих им европейских элементов. Как и во всех войнах, необходимость этого развития событий также не имеет ничего общего с ненавистью. Есть лишь выбор между двумя войнами: содействующей культуре и искажающей культуру, а не между войной и миром.

Если Европа останется под господством внешних сил, то она станет могилой ее солдат, так как ее силу не могут разрушить потоки пропаганды, оккупационные армии «солдат» или даже миллионы предателей из слоя Михелей. Кровь прольется, хотят ли люди этого или нет. В природе надличностных организмов выражать их возможности; если это не может происходить так, то оно обязательно произойдет иначе. Эта идея обязывает людей и освобождает их от обязательств только после их смерти. Это избирательное обязательство: чем выше дарования человека, тем сильнее идея сковывает его.

Что варвары и губители могут этому противопоставить? Против их кровожадных русских рабов, их примитивных негров, их несчастных, стремящихся домой североамериканских рекрутов, Европа применит свое непреодолимое надличностное превосходство. Европа стоит в начале всемирно-исторического процесса, не только конец которого нельзя предвидеть, но мы не можем увидеть, когда он достигнет полного успеха и даже, достигнет ли он его вообще. Вероятно, внешние силы перед своим концом мобилизуют против западной цивилизации толпы китайских и индийских масс. Это не повлияет на продолжительность конфликта, но только на его масштаб.

Чтобы смочь дальше поработать Европу, абсолютно необходимо, чтобы внешние силы могли располагать большим количеством европейцев – всеми общественными группами, слоями, остатками омертвелых наций девятнадцатого столетия. В объединенную Европу они никогда не смогли бы проникнуть, и только против разделенной Европы они могут удержаться. Раскалывай! Разделяй! Делай различия! Такова техника завоевателя. Снова выкапываются старые идеи, старые лозунги, чтобы подстрекать европейцев против европейцев, но при этом всегда работают со слабым, некультурным слоем против сильных носителей культуры. Они должны быть «преданы суду» и повешены. Такое применение нижнего слоя культуры внешними силами является самой опасной формой культурной болезни, которую мы называем культурным искажением. Она, между тем, весьма близка к другой болезни, культурной реакции.

Культурная реакция как форма культурного искажения

При исследовании структурирования культуры была показана непрерывная борьба между традицией и инновацией; эта борьба совершенно нормальна и сопровождает культуру от феодального времени до цезаризма, от готического собора до небоскреба, от Генриха Шютца до Рихарда Вагнера, от Ансельма Кентерберийского до философа нашего времени. Но за время с 1000 по 1800 год никому, кто боролся против новой западноевропейской идеи, не приходила в голову мысль, что он должен предотвратить ее воплощение любой ценой, даже ценой самой культуры. Совершенно верно было сказано: никакая европейская держава, и никакой европейский государственный деятель

не предоставили бы всю Европу варвару только для того, чтобы смочь победить другую державу или другого государственного деятеля. Наоборот, если варвар стоял у ворот, то вся Европа сопротивлялась ему, как тогда, когда она сплотилась в момент подлинно наивысшей опасности агрессии турок. После поражения европейского войска в сражении при Никополе в 1396 году турецкий султан Баязид поклялся, что он не успокоится, пока не превратит Собор Святого Петра в конюшню. В тот момент западноевропейской истории этому не суждено было случиться. Тотальное подчинение Европы внешним силам уничтожения было достигнуто только в середине двадцатого века. И оно было достигнуто лишь потому, что определенные элементы Европы охотнее погубили бы всю Европу, нежели позволили бы ей перейти в следующую культурную фазу, к новому возрождению авторитетной власти.

Такой исторический феномен не возник внезапно; истоки этого рокового расщепления Запада нужно искать в рационализме. Уже в Войне за австрийское наследство проявилась новая дикость, свидетельствующая о предстоящем расщеплении. Действительно союзники этой войны намеревались полностью разделить область культурной нации, Пруссии, между Швецией, Австрией, Францией и – Россией. Хотя Россия во времена Романовых с семнадцатого по двадцатый век считалась государством и нацией европейского стиля; тем не менее, с обеих сторон на этот счет были открытые сомнения. Но все же существовало различие между разделом граничащего с Азией региона, такого как Польша между европейскими государствами и Россией, и разделом земли европейской метрополии с Россией. В борьбе династий и традиционалистов эта тенденция продолжалась, и на Венском конгрессе царя, войска которого оккупировали половину Европы – факт, о котором он часто напоминал европейским правителям – торжественно приветствовали как спасителя Европы. Когда Англия и Княжеский союз довели свою борьбу против европейского властителя, Наполеона, до того, что впустили русские войска в европейские столицы, это уже граничило с культурной патологией. Однако с абсолютной уверенностью можно сказать, что европейский грим, которым приукрасилась Россия, явился при этом определяющим фактором: Княжеский союз и Англия Уильяма Питта не впустили бы нигилистскую Россию или турок в Европу, чтобы победить Наполеона и вместе с тем – самих себя.

Но тенденция продолжилась в Первой мировой войне, войне между Англией и Германией как наций в стиле девятнадцатого столетия, когда Англия снова взяла Россию к себе в союзники и представила Европе и Америке деспотию Романовых как «демократию». К счастью, у Запада была еще защитная тенденция, и когда большевики после войны начали наступление на Запад, в 1920 году под Варшавой их отбросили назад войска европейской коалиции. В число этих сражающихся против большевизма армий входили немцы, французы и англичане, которые еще вчера были врагами, но теперь объединились против варваров. Даже американцы дважды отправляли экспедици-

онные войска против большевиков: один раз в Архангельск, в другой раз в Восточную Сибирь.

Перед Второй мировой войной неоднократно казалось, что будущая война могла бы принять форму борьбы нескольких маленьких европейских государств против большевистской России, при которой другие европейские государства остались бы нейтральными и оказали бы экономическую помощь. Так казалось и в июне 1936 года, когда четыре из этих ключевых маленьких государств подписали протокол, который придавал конкретную форму общему согласию между ними. Этот протокол никогда не был ратифицирован. Не менее двадцати отдельных попыток были предприняты с 1933 по 1939 годы носителями идеи двадцатого столетия, чтобы добиться общего согласия с маленькими государствами, которые еще жили духом идеи девятнадцатого столетия, хотя та обнаруживала к этому времени уже признаки трупного окоченения. Разумеется, ведущие умы несущего культуру слоя в этих маленьких государствах были в контакте с новой идеей, но определенные элементы противились ей вследствие своей недостаточной духовной чувствительности, материалистической пустоты, негативного недоброжелательства, твердого укоренении в прошлом и – самая важная причина, в конце концов – вследствие своей материальной заинтересованности к увековечению международной и внутренней экономики в стиле девятнадцатого столетия, из которой только они получали прибыль, и от которой страдала вся западная цивилизация. Эти элементы решили, что скорее допустят разделения Европы между Азией и Америкой, чем выступят на стороне будущего Запада.

Если борьба между традицией и инновацией, старым и новым, которая естественна и нормальна в любой культуре, достигает такого масштаба, то тогда речь идет о заболевании культуры. Эту культурную болезнь можно распознать по силе ненависти против будущего культуры. Эта ненависть, в общем, может дойти до того, что они лучше уничтожат сами себя, чем откажутся от застывшего прошлого ради полного жизни будущего. Если консервативные элементы доходят до такой сильной ненависти к творческим элементам, что делают все, чтобы вызвать их военное поражение, включая саморазрушение, тогда болезнь переходит в острую фазу и становится культурной изменой.

Симптом этой культурной болезни – это только вопрос силы ее сопротивления. Каждая новая идея в культуре наталкивалась на сопротивление – в архитектуре, музыке, литературе, экономике, в военном деле и в искусстве управления государством. Но до ужасного начала болезни в нашем столетии это сопротивление против творческого нового никогда не достигало тотальности, которую можно назвать только безрассудной.

Патологическим также было во время Второй мировой войны подлое подхалимство этих элементов перед паразитами и варварами, которым они добровольно подчинились в своей ненависти к будущему Европы. Никогда нельзя

забыть бесчестие, с которым они передавали русским ордам миллионы европейских солдат, которые исчезли в неизвестных могилах в Сибири. Этот элемент Михеля помогал варварам, воодушевленно сотрудничал с ними и чисто-сердечно передавал им все свои тайны – все, что варвары принимали без благодарности и вознаграждали подозрением, саботажем и ненавистью.

Но вместе с Европой и Михели также были побеждены варварами и губителями и подчинились им. Болезнь культурной реакции в этом случае имела трагические последствия для обеих частей, не только для представителей будущего, но также и для представителей прошлого. Все, что они спасли из общего разрушения, – несколько маленьких личных преимуществ. Победители использовали их как своих заместителей в Европе. Но насколько символичным было то, что марионетки, которым однажды передали важные посты в Европе, были стариками! Они были стары, даже с биологической точки зрения, но в духовном плане им было двести лет, они были укоренены в омертвелом парламентском прошлом. Новым повелителям Европы было безразлично, что у этих старых чиновников отсутствовали жизненная сила и творческая сила – да они-то и выбрали их как раз поэтому, и каждый, кто демонстрировал жизненную силу какого-либо рода, подвергался тщательной проверке.

Это результат культурной реакции. Без нее внешние силы с их примитивностью и умственной слабостью никогда не смогли бы растоптать процветание европейской культуры. Однако культурная реакция сыграла несмотря ни на что только подчиненную роль. Изучение проявлений заболевания у других органических форм жизни предлагает многочисленные примеры одновременного появления ряда болезней, причем вызванный одной болезнью вред содействует расширению другой болезни, как например, у человека туберкулез и воспаление легких. Более опасная болезнь, которая началась одновременно с болезнью культурной реакции и получала от нее содействие, была обостренной формой культурного паразитизма, ведущего к культурному искажению, если паразит принимает активное участие в жизни культуры.

Культурное искажение как последствие деятельности паразитов

Мы уже видели основные воздействия культурного паразитизма на культурное тело: сокращение культурного населения путем его вытеснения, потери культурной энергии из-за трений. Эти воздействия возникают из одного лишь наличия паразита, как бы пассивно он себя не вел. Куда более опасным для здорового воплощения культуры является проникновение паразитирующих элементов в культурную жизнь, деятельность культурного паразита, его участие в создании и оформлении культурных задач, идей и политики. Эта деятельность паразита в гораздо большей степени порождает проявления трений, которые сопровождают даже уже пассивное присутствие парази-

та. В Калифорнии каждое увеличение экономической мощи китайцев, каждое открытое развитие их энергии, вызывали среди американцев новый всплеск антикитайских эксцессов; то же самое касалось японской группы. Тем не менее, наихудшие беспорядки были связаны с прогрессирующим продвижением негров в общественную жизнь Америки. До тех пор, пока негр вел себя пассивно, озлобленность между расами была минимальной. С 1865 года пассивность негра, между тем, все больше превращалась в активность. Это, естественно, происходило не просто так; белые рационалистические элементы, либералы, апостолы «толерантности», коммунисты обосновывали движение, которое на своих знаменах написало лозунг равенства рас, и под их руководством оно приняло такие масштабы, что периодически возникающие расовые бунты время от времени парализовали общественную жизнь в самых больших американских городах. Талса, Бомонт, Джерси, Чикаго, Детройт, Нью-Йорк – это только некоторые из городов, которые были местом массовых беспорядков в течение последних 25 лет. Каждому волнению предшествует поток сентиментальной пропаганды «терпимости», а после него происходит общественное исследование, которое называет причиной беспорядков дефицит «терпимости» и «воспитания».

Во время американской оккупации Англии (1942-1946) произошло несколько больших расовых конфликтов между белыми и черными американскими военнослужащими, хотя и те и другие вместе были использованы против Англии и Европы. Это доказывает ограниченную пригодность паразитирующих на культуре групп для военной службы. Собственно, эти негритянские войска принимали участие в американском походе для разрушения Европы, но незначительного инцидента в трактире хватало, чтобы воспламенить расовую ненависть, которую порождает сосуществование хозяина и паразита. Солдаты из таких паразитарных групп, которые всегда близки к расовому бунту, мало что стоят, и то, что рационалисты и либералы не выучили из хроник пяти тысячелетней истории высоких культур, они выучили на этом опыте. Эти негры показали, что они готовы были разрушить не только Европу, но и Америку. Эти примеры повышенной напряженности между хозяином и паразитом – лишь более легкая форма болезни культурного искажения, которая возникает из-за деятельности паразитов. Между ними и сопротивлением против культурного паразитизма разница существует только в степени. Гораздо более серьезна форма, при которой паразит непосредственно проникает в общественную жизнь культуры или культурной нации и управляет ее политикой. Ни в Америке, ни в Южной Африке негр не достиг этого значения, и до сих пор так же мало добились и китайские, японские, левантийские или индейские группы в Америке.

Тем не менее, одна группа вызвала значительное культурное искажение во всей западной цивилизации, включая ее колонии во всех частях света. Эта группа – живущий на Западе арьергард завершенной арабской культуры, еврей с его единством церкви-государства-нации-народа-расы.

Арабской культуре, внутренне осуществившейся в 1100 году от Р.Х., еврей был обязан своим мировоззрением, религией, формой государственного правления, народным чувством и своим единством. Но с Запада он получил свою расу и свою цель жизни. Мы видели, как эта раса развивалась в течение первых восьми веков нашей культуры в гетто. Когда рационализм – с 1750 года – выступал все сильнее и еврей почувствовал более богатые возможности, которые обещала ему эта новая жизненная ступень Запада, он начал яростно агитировать и бороться против гетто, которое он сам для себя создал в изначальном как символ своего единства. У этой расы был другой расовый идеал, чем у Запада, и это влияло на расовый материал, который принимала раса гетто. Сегодня существуют евреи и с нордической внешностью, но расовая чистота сравняла новый приток со старым расовым обликом. Вертикальному расизму девятнадцатого века это явление представлялось ужасным, но двадцатый век уже познал примат душевно-духовного при образовании рас. Если мы говорим, что еврей получил свою расу с Запада, то не имеем в виду, что он лишь прибегал к корневому составу европейских народов, чтобы освежить за их счет свою собственную расу – хотя в определенной мере случалось и так – а что Запад, окружавший вследствие императива своей собственной культуры еврея как совершенно чужую массу, предотвратил размывание и исчезновение еврейского единства. Ведь нужно подчеркнуть, что хотя соприкосновение с чужаком, если он находится внутри организма, этому организму вредит, то происходит совершенно противоположное, если чужак находится снаружи – тогда такой контакт укрепляет организм. Этот контакт порождает войну, а война укрепляет. Крестовые походы, крик новорожденного Запада, решающим образом укрепили новый организм, доказали его жизнеспособность. Войны Кастилии и Арагона против варваров дали Испании внутреннюю силу, чтобы взять на себя ее великолепную ультрамонтантскую миссию. Победы Англии на колониальных полях сражений по всему миру дали ей неоспоримое осознание своей миссии. Победы Рима в начале его национального существования подарили ему внутреннюю прочность, позволившую ему вести Пунические войны, вследствие которых он, наконец, стал господином античности.

Таким образом, очевидно, что взаимное соприкосновение Запада и еврея имело противоположное значение для обоих организмов. Для еврея оно было источником силы и придавало форму; для Запада оно было нагрузкой на его силы и приносило деформацию. Еврей был внутри Запада, но Запад не был внутри еврейства. Пока преследование страшится искоренения, оно делает сильнее. Цитата, которая стоит в начале этого произведения, так же справедлива для Запада сегодня, как справедлива она была в прежнее время для еврея. Если говорят о преследовании, то называют источник жизненной цели еврея. Тысячелетие резни, погромов, лишений, оскорблений, истязаний, изгнаний и эксплуатации – это было подарком Запада для еврея. Это не только укрепляло его и делало его твердым в расовом смысле, а давало ему миссию,

сверхзадачу мести и разрушения. Европейские народы и правители наполнили душу чужака в своей среде взрывчаткой.

Над жизнью доминирует органическая закономерность войны. Даже примитивные африканские племена ведут войны, даже если у них нет совсем ничего, по мнению культурных народов, ради чего им стоило бы воевать. Появление высокой культуры и концентрация власти, которые придают ей организацию и структуру, порождают в окружающей ее людской среде в качестве противовеса творческой воле высокой культуры, свою защитную волю. В жизни «не принадлежать к ним» означает то же самое, что и «быть против них». Соппротивление может долго или даже всегда находиться в неопределенном положении вследствие другого, более сильного сопротивления; но оно существует – как скрытая возможность. Соприкосновение двух надличностных организмов может вызвать только сопротивление и войну. Запад и еврейский организм за тысячелетие их взаимного соприкосновения находились в состоянии непрерывной войны друг с другом. Это была не война на поле боя, не артиллерийская дуэль линкоров в море, а война совсем другого рода.

Тотальная инаковость еврея сделала его для Запада политически невидимым. Запад не видел еврея как нацию, так как у еврея не было ни династии, ни территории. Он говорил на языке окружающих его людей. У него не было видимого государства в стиле Запада. Казалось, что еврейство – это просто религия (иудаизм), а вовсе не какой-то политически единый элемент, так как даже в Тридцатилетней войне религия играла подчиненную роль в сравнении с династической политикой и политикой Фронды. Поэтому Запад, хотя он сам и дал еврею его политическую миссию мести и разрушения, не мог видеть его как политическую единицу. И таким образом война между западноевропейской культурой и евреем была подпольной войной. Еврей не мог выступать как единая сила и не мог открыто бороться против Запада, так как перевес Запада был слишком велик. Против открытого еврейского нападения Европа сразу бы объединилась и полностью уничтожила бы еврея. Еврей должен был поневоле преследовать свои политические цели, проникая в суть конфликтов между европейскими силами, идеями, государствами, включался в них и пытался влиять на результат в свою пользу. Он всегда способствовал стороне, нацеленной на материализм, на оппозицию против абсолютизма и против религиозного единства Запада, на победу экономики, на беспощадную торговлю и ростовщичество. Деньги были его оружием. Жизнь в рассеянии, материализм, абсолютный космополитизм исключали еврея из участия в героической борьбе на поле сражения, и он был ограничен той войной, которая существовала в предоставлении и отказе от займа, в коррупции и в приобретении подлежащей исполнению законной власти над важными отдельными лицами. С тех пор как в раннее время Папы запретили христианам давать деньги в рост, евреи наслаждались благоприятным для них экономическим положением. Кромвель привлек их назад в Англию, когда решил, что

якобы «в стране было недостаточно денег». В семнадцатом веке уже самые большие банкирские дома в Европе принадлежали евреям. Сам Банк Англии был основан на концессиях, которые Кромвель предоставил Али Менаше бен-Израелю. Этот банк пришел к тому, чтобы платить за кредит 4,5%, а потом ссужать дальше деньги правительству уже под 8%. Вплоть до середины нашего тысячелетия эта тактика не была для еврея возможной. Схоластическая философия, церковные законы, власть феодалов грабить его, дух времени – все было против него. Святой Фома Аквинский, например, в тринадцатом веке учил, что торговля, как плод корыстолюбия, которому свойственно стремиться к чрезмерности, презренна; что взимание процентов является несправедливостью; что у евреев нужно отобрать деньги, которые они получили ростовщичеством, и принуждать их к работе и к отказу от жадности. Различные Папы издавали буллы против экономических приемов, материализма, растущего влияния евреев.

Но душа Запада постепенно отчуждалась, разворачиваясь наружу. Столетия медленных изменений подготовили решающий поворот 1789 года. Старая внутренняя жизнь, которая дала феодальному времени его естественную духовную связь, со временем была подорвана новыми конфликтами, особенно противоречиями между городом и деревней, купеческой аристократией и поместным дворянством, материализмом и духом религии. Реформация означала трещину в душе запада. Она привела, как символ грядущей победы материализма, к кальвинистской системе. Кальвин учил неприкосновенности экономической деятельности; он санкционировал ростовщичество; он объяснял богатство как знак избранности. Этот дух распространялся; в Англии Генрих VIII легализовал ростовщичество в 1545 году. Старое учение о греховности ростовщичества было отвергнуто.

Для еврея это означало освобождение, достигаемость власти, пусть даже и скрытой, невидимой власти. Во время Реформации он всюду боролся против церкви, и он поддерживал Кальвина против Лютера, так как Лютер был противником ростовщичества. Когда в Англии победило пуританство – родственное кальвинизму – там были созданы благоприятные для евреев условия. Пуританский писатель Бэкстер даже считал религиозным долгом выбирать из двух экономических возможностей более прибыльную; ибо выбрать менее прибыльную означало, по его мнению, пренебречь волей Бога. Эта атмосфера защищала еврея и увеличивала его богатство и положила конец старым грабегам со стороны монархов и баронов.

*

С начала семнадцатого столетия в европейской истории появляется скрытое течение, деформация, искажение. В Англии оно возымело самое большое действие, и, прежде всего, в экономике. Многие из самых корыстолюбивых аспектов приближающегося финансового капитализма были вовсе не англий-

скими, их следовало приписать растущему влиянию еврея. Но повторимся еще раз: эти воздействия – не вина еврея. Религия еврея разрешала ему ссужать деньги под проценты, и предписывала ему разное моральное поведение, одно для отношений евреев с евреями, а другое для отношений евреев с гоями. Согласно еврейским религиозным предписаниям в заслугу еврею ставилось причинение вреда гою. Этот религиозный принцип оставался бы, вероятно, мертвой буквой, не будь жизненной цели еврея, сформировавшейся за столетия преследований. Еврей был просто самим собой, но его влияние было чужим и означало искажение западной культуры. Уже в девятнадцатом веке, после того, как санкционирование корыстолюбия уже прочно установилось, Томас Карлейль с полным отвращением выступил против этого спектакля всеобщего воровства и перерезания глоток под прикрытием хитрого использования законов, против полного отсутствия социальной совести, которое приводило все слои нации к бедствию и нужде.

Извращающие последствия, которые с самого начала оказывало присутствие еврея на европейскую экономику, были подробно рассмотрены замечательным европейским специалистом в области политэкономии Вернером Зомбартом в его книге «Евреи и хозяйственная жизнь» (*Die Juden und das Wirtschaftsleben*, Лейпциг, 1911). После того, как в западной душе проснулся более сильный интерес к материальному миру, еврей становился все необходимее, могущественнее и увереннее в своей правоте. Другие профессии, кроме приобретения денег, если бы он захотел заняться ими, были для него закрыты, так как в западноевропейские гильдии допускались только христиане. Таким образом, его первоначальное экономическое превосходство сохранялось, и часто самые важные европейцы попадали в зависимость от него. И они ничем не могли попрекнуть его, так как новое отражающее возрастающий дух коммерции торговое право защищало его и его имущество, его долговые обязательства и договоры. История Шейлока показывает нам это двойное лицо еврея: пресмыкающегося на Риальто, но в зале судебного заседания ведущего себя как лев. Это Европа приговорила его к этим двум ролям. Ожидая от него, что он будет играть лишь подчиненную роль, и одновременно открывая ему дорогу к ключевой роли.

Чем материалистичней была культура, тем ближе она была еврею, и тем более выгодной она становилась для него. Европа постепенно отказывалась от своей исключительности, но еврей от своей не отказывался – и для Европы это оставалось в тайне.

Примерно в 1750 году появляются новые идеи: «свобода», «человечество», сопротивление религии и абсолютизму, «демократия», воодушевление «народом»; вера, что человек по природе добр, «возвращение к природе». В это время Готхольд Эфраим Лессинг в своей пьесе «Натан Мудрый» делает еврея главным действующим лицом, что всего лишь столетием назад было бы смешным. Интеллектуалы вдохновлялись человеком из гетто с его усовер-

шенствованной кастовой системой и его частной религией. Он был космополитом, и как таковой, он, кажется, для европейских интеллектуалов был указателем пути в будущее. В первый и в последний раз европейцы и евреи сотрудничали в решении культурной задачи – распространении новых идей. Теперь культурное искажение перешло и на политическую жизнь. Форму, в которой совершилась Французская революция, следовало бы приписать культурному искажению. Особенная эпоха, которой отмечено это событие, – это, само собой разумеется, органическое развитие. Искажение обнаруживается в особенных фактах, которые происходят этим особенным способом в это особенное время и в этом особенном месте. Иначе выражаясь: искажение касалось поверхности истории, не глубины, так как на глубине искажение не возможно, так же как искажение может изменять только факты в жизни человека, но не его внутреннее развитие. Искажение не смертельно; оно означает деформацию, извращение, разочарование. Оно – хроническая болезнь, истощение сил, нечистота в жизненном потоке культуры. Самый известный пример культурного искажения, в арабской культуре, подробно рассмотрел Освальд Шпенглер. Там были высокоцивилизованные древние римляне, которые проникли в прорастающую жизнь арамейского мира. Эта новая культура должна была прорываться через формы жизни римского мира, чтобы выразить себя. Ее первые столетия – это прогрессирующая эмансипация от культурного искажения, борьба против него. Митридатовы войны – это раннее начало этой борьбы. Римляне были «евреями» того мира, т.е. законченными экономическими мыслителями, с полным культурным единством внутри области просыпающейся религии. Искажение простиралось на каждое жизненное направление – право, философию, экономику, политику, литературу, войну – как раз в начале культуры, которая только медленно освобождалась от совсем чужого ей мира римлянина. Но самая внутренняя душа этой новой культуры оставалась неприкосновенной от искажения – искажались ее воплощение, ее поверхность, ее проявления, ее факты.

И подобно этому искажались только факты времени с 1775 по 1815 годы. Переход культуры к цивилизации, который символизировала ужасная Французская революция, мог бы произойти также некоторым иным способом. Это политика губителей культуры сделала зависимой французские государственные финансы от долгов и выплаты ростовщических процентов, как они раньше сделали то же самое с английским правительством. Тем не менее, абсолютная монархия с ее централизацией власти сопротивлялась зависимости государства от денежной власти. Поэтому во Франции нужно было ввести конституционную монархию, и с этой целью губители и их инструмент Жак Неккер добились созыва Генеральных штатов, члены которых определялись большей частью также губителями, и конституционная монархия была введена. Неккер сразу попытался принять две большие ссуды, однако, без успеха. Талейран предлагал для решения финансового кризиса конфискацию церковного имущества. Виктор Мирабо поддержал это предложение и рекомендовал эмиссию денежной валюты с конфискуемым церковным имуще-

ством в качестве залога. Неккер отказался, так как такие деньги, которые не приносили проценты и не были присоединены к долгу, не принесли бы результатов губителям. Во время кризиса Неккер был выслан, и Мирабо получил диктаторские полномочия. Он сразу ввел в обращение «земельные деньги», как он первоначально и предлагал, чтобы предотвратить панику, которую стремились вызвать губители. Но Неккер, воплощавший власть денег и губителей, пустил в ход континентальную войну против Франции, к которой он подстрекал и внутри и снаружи. Идея была в том, что война принудила бы Францию к большим закупкам в Англии, Испании и в других местах; что ассигнации, земельные деньги, не принимались денежными властями вне Франции, и что тогда Франция была бы вынуждена пойти на уступки денежным монополистам. От этой войны линия как раз и вела к террору.

Прямо к началу периода цивилизации мы наблюдаем гигантский конфликт между авторитетом и деньгами, которому суждено было через поколения достичь будущего. Это борьба Наполеона против шести коалиций. Искажающая историография представила Наполеона в образе обычного завоевателя; его государственная философия просто игнорируется. Но свои представления о закрытой экономике (автаркии) он выразил Лас Казасу и Коленкуру. Он рассматривал экономику как производство, а не как торговлю, и основанную, в первую очередь, на сельском хозяйстве, только во вторую очередь на промышленности, и, в конце концов, на внешней торговле. Он был против зарабатывания денег на банковских процентах. Борьба губителей против этих идей во многом повлияла на форму фактов европейской истории, от вступления Наполеона в должность как консула до 1815 года. Несмотря на то, какими эти факты были бы в ином случае, это было искажением европейской истории, что культурный паразит активно и отчетливо влиял на выражение западной души. В борьбе между европейскими державами, результат которой органически оформлял прогрессивное развитие нашей культурной души, искажением и извращением было то, что равновесию помешало вмешательство совершенно чужой силы. Мы не знаем, как двигалась бы история в ином случае, но очевидно, что денежная власть в течение девятнадцатого века никогда не добилась бы такого абсолютного господства без болезни культурного искажения. Тогда всегда были бы два полюса в западной душе – и в душе каждого отдельного человека: полюс денежного мышления и полюс авторитета и традиции. Абсолютный триумф денег потребовал от Европы ужасной дани человеческими жизнями и здоровьем. Он пожертвовал крестьянством всех стран для эгоистичных интересов торговли. Он развязал войны, в которых кровь патриотов текла в частных интересах. Достаточно назвать Опиумную войну – войну, на которой английские солдаты и матросы должны были умирать, чтобы добиться у китайского императора признания и защиты монополии на торговлю опиумом, которой культурные губители владели в Европе. Систему долгов навязывали каждому европейскому государству. Пруссия брала займы в 1818 годы у Натана Ротшильда. Россия, Австрия, Испания, Португалия последовали за ней. Но низкий материалистический дух

времени оставался слепым. Философия, которая произвела Беркли и Лейбница, довольствовалась теперь Джоном Миллем и Гербертом Спенсером. Экономическому мышлению того времени достаточно было Адама Смита, который учил – ввиду упадка и бедности миллионов – что, если бы каждый человек по отдельности преследовал свои собственные эгоистические экономические интересы, то тем самым содействовал бы общей жизни. Если такие непонятные утверждения становятся общепринятыми, то неудивительно, что только немногие европейцы сознавали искажение европейской культурной жизни.

Один из этих немногих был Джордж Байрон, что показывает нам «Бронзовый век» и строки в «Доне Жуане» и других его стихах. Также Чарльз Лэмб и Томас Карлейль распознали это, но прочие европейцы большей частью стремились следовать призыву Луи Филиппа: «Обогащайтесь!»

*

Экономика, хотя в своих формах и подвергается влиянию культуры, является, по сути, только сырьем для культуры, предварительным условием для более высокой жизни. Роль экономики в высокой культуре соответствует ее роли в жизни творческих людей, таких как Сервантес, Данте или Гёте. Если бы такой человек был прикован к месту работы, это было бы равным искажением его жизни. Каждая высокая культура является творческой – вся ее жизнь состоит в постоянном надличностном творчестве. Если в центр внимания ставят экономику и рассматривают лишь ее как жизнь, а все остальное как второстепенное, то это искажение культуры. Но в этом смысле действовали, с двух сторон, губители. Хозяева денег работали только над тем, чтобы водрузить господство денег над старыми традициями Запада, а снизу цель марксизма состояла в том, что пролетариат должен максимально эксплуатировать европейскую цивилизацию в свою пользу.

Из нашего исследования структуры культуры мы знаем культурное значение «пролетариата». Оно, одним словом, равняется нулю. Это простой факт, не идеологическое утверждение, и так как это является фактом, то губитель Маркс, со своей глубочайшей ненавистью к европейской цивилизации, выбирает пролетариат как инструмент разрушения. В их инстинктивной попытке разрушить тело ненавистного Запада, губители сверху и снизу стремились применять единственные приемы, которые они понимали – экономические. Но это – я не устану повторять – стоит по ту сторону похвалы и порицания: Губители действовали из внутреннего побуждения, их поведение было нерациональным, бессознательным, оно исходило из органической необходимости.

Идея денег и идея классовой борьбы на экономической основе появляются также в других культурах на соответствующем этапе времени. Одно лишь

наличие этих явлений – это еще не искажение нашей жизни, но только их универсальность, их абсолютная форма, и ожесточенность, с которой они запутывали и раскалывали весь Запад. Присутствие губителя, как некоего органического катализатора, вплетено во все эти идеи и процессы, ведущие к расшатыванию и распаду. Только вследствие его собственного отчуждения Запад стал жертвой этого культурного искажения. Как только Европа связалась с материализмом, губители усилили эту тенденцию. После падения первых барьеров он добивался устранения всех различий. Он превращал деизм в атеизм – сохраняя, однако, свои собственные буквы и молитвенные свитки. Своими все более абсолютными притязаниями он углублял раскол в борьбе между рационализмом и традицией. Один лишь статус губителя давал повод для раздора в европейских нациях. В Англии общественная жизнь искажалась снова и снова обсуждаемым вопросом о статусе евреев. Этот вопрос не имел ни малейшего отношения к английскому организму, но в одном споре за другим англичане растрчивали свои силы в борьбе за или против таких вещей как гражданское право для евреев, допущение евреев в парламент, в адвокатуру, в свободные профессии, в правительственные учреждения. Подобная борьба раскалывала европейское общество во всех странах. Непрерывно растущее подчинение экономики финансовому господству вело к опустошению материальной и духовной жизни работающего населения и крестьян во всех европейских странах. То, что в девятнадцатом и двадцатом веках миллионы людей погибли вследствие плохих гигиенических условий, истощения и недостойных человека жизненных условий, а также от тифа и туберкулеза, следует приписать преобразованию производственной экономики в поле боя хозяев денег против предпринимателя и промышленника. Именно хозяин денег добился победы акционерного общества как новой формы владения. Такая форма загоняла каждого предпринимателя в кабалу мастера денег, так как именно он покупал акции и переходил затем к притеснению коллектива предприятий, полностью превращая прибыль промышленности в дивиденды. Для банкира зарплата, которую платят людям как экономическую основу их существования, это всего лишь «издержки производства». Если эти «издержки» уменьшались, то прибыль соответственно возрастала. Кого волновало, что это вело к появлению рахитичных детей, голодающих семей, наносило вред жизни нации – целью была прибыль. По теории каждый рабочий, если он хотел, мог быть хозяином денег. И он сам был виноват, если не становился им. Крупные финансисты никогда не были виновны, так как они ведь добились своего богатства только своим неустанным трудом. Конечно, совсем по-другому было, если их заграничным владениям что-то угрожало, тогда патриотическим долгом нищих было спасать этих хозяев денег.

Как и следовало ожидать, ужасные последствия господства крупного капитала, а именно, то, что целые большие группы населения балансировали на грани голода, привели к противодействию. Тем не менее, кипящее недовольство масс тоже стало инструментом политики губителей. Сверху финансовая

техника, снизу профсоюзная техника оказывали давление на врага – тело западноевропейской цивилизации. Роль губителя состояла в углублении раскола и использования его в свою пользу. Ни один историк не описал политическую тактику губителя культуры и ее воздействие лучше, чем Барух Леви в его знаменитом письме Карлу Марксу: «Сам еврейский народ в целом станет своим собственным Мессией. Его царство над миром осуществится посредством объединения остальных человеческих рас, отмены монархий и границ, являющихся защитным валом партикуляризма, и провозглашения всемирной республики, которая повсюду признает гражданские права евреев. В этой новой организации человечества сыны Израиля, рассеянные в настоящий момент по всей поверхности Земли, без большого сопротивления повсюду станут руководящим элементом, особенно, если им удастся навязать рабочим массам твердое руководство некоторых из принадлежащих к ним. Все правительства народов, которые образуют всемирную республику, с помощью победы пролетариата попадут без усилий в еврейские руки.

Тогда правительства еврейской расы смогут подавить частную собственность и повсюду распоряжаться богатствами народов. Таким образом, реализуется обещание Талмуда, что евреи, когда настанет время Мессии, будут владеть ключом к богатствам всех народов Земли».

Так выражалось инородное тело в западном организме. Для губителя в этом не было ничего плохого – для него Европа была бесчувственным чудовищем – гордым, эгоистичным и жестоким. Жизненные условия этих обоих организмов – как, вообще, двух организмов такого уровня степени – просто были совершенно разными. Экономическая одержимость Запада, опустошавшая его душу, прокладывает путь губителю, и потому содействовать этому для него только само собой разумеющееся требование. Это вечное отношение хозяина и паразита, как мы находим его также во флоре и фауне. Не то, что культурное искажение может убить хозяина; оно само не может достичь души, а способно лишь влиять на проявления души в фазе реализации. Если бы искажение могло достигнуть души, то оно больше не ощущалось бы как искажение. Но душа продолжает существовать в своей неизменной чистоте и действенной силе, только ее внешнее проявление искажено. И здесь находится исток напряженности: разъединение того, что было возможно, и того, что случилось фактически, становится заметным. Наступает реакция: с каждой победой культурного искажения растет чувство разочарования, и все решительнее становится враждебность слоя, несущего культуру. Никакая пропаганда не может повлиять на этот процесс, так как этот процесс является органическим и должен происходить до тех пор, пока организм еще существует.

Культурное искажение вовлекает в беду каждую область культурной жизни. Если культура находится в политическом смысле в националистической фазе, как Европа в девятнадцатом и начале двадцатого века, то искажаться может не только жизнь каждой нации, но и отношения между нациями. Это можно пояснить на гипотетическом примере. Представим себе, что китайская паразитарная группа в Америке могла бы оказывать там искажающее культурное влияние. В таком случае эта группа в случае, если, предположим, Англия расширяла бы сферы своего влияния в Китае, могла влиять в Америке на общественное мнение, то эта группа неизбежно добивалась бы войны Америки против Англии. И если бы ее общественное влияние было достаточно сильным, то это ей бы удалось. Это была бы война между западными странами ради китайских интересов и тем самым искажение международной жизни западной цивилизации. Этот гипотетический случай – только с другими участниками – неоднократно случался в течение девятнадцатого века. Какая бы европейская страна ни преследовала культурного губителя или слишком долго медлила с предоставлением ему гражданских прав, правовой защиты и финансовых возможностей, в которых он нуждался, она всегда становилась объектом его политики. Искажение никогда не было абсолютным, так как до сих пор общественное влияние губителя никогда не было настолько сильным, чтобы добиться этого; это было всегда только скрытое влияние, не открытое руководство. Губитель никогда не выступал как таковой, так как в таком случае он – маленький паразит громадного хозяина – уничтожил бы сам себя. Искажение всегда прикрывалось европейскими идеалами – свободой, демократией и так далее. И в этом снова не было никакого зла, так как для губителя эта политическая тактика была жизненной необходимостью. Его численная слабость исключала открытую борьбу на поле сражения.

В девятнадцатом и в начале двадцатого века помимо истории западной политики и экономики, на поверхности развития событий, была еще другая история – продвижения культурного паразита с его собственной политикой и с возникающим из этого искажением европейской политики и экономики. Современная Европа едва ли была в состоянии заметить эту историю. Вследствие ее политического национализма она не могла представить себе политически единый элемент без определенной территории, без определенного языка, без «конституции», армии, флота, кабинета министров, короче, без всего, что относится к европейским представлениям. Европа ничего не знала об истории арабской культуры и ее идеи нации, тем более, о единстве одного ее остатка, живущего в рассеянии на Западе. Но тем временем это единство внутри каждой европейской нации действовало в пользу приема конституций, ослабления аристократических форм, распространения «демократии», партийного господства, расширения права голоса и устранения прежней исключительности Запада. Демократизация страны была предпосылкой для за-

хвата власти. Если сопротивление этому было слишком велико, то другие государства, где власть уже была получена ими в свои руки, мобилизовались против этой упрямой нации, и следствием этого была война. Россия, все еще фигурировавшая как член европейской государственной системы, Австрия и Пруссия на протяжении всего девятнадцатого века сопротивлялись культурному искажению.

Также и Римская церковь упорно защищалась, потому была выбрана на роль врага. В 1858 году, как показывает случай Мортары, была достигнута стадия, когда культурный губитель смог мобилизовать против Ватикана французское правительство и английское общественное мнение. Если частная судьба еврейского ребенка могла вызвать международный инцидент, то неудивительно, что важные еврейские дела влекли за собой гораздо более серьезные международные последствия для политической системы Запада. Россия, страна погромов, была самым большим врагом. Мы видели, что, когда в 1906 году в Киеве произошел большой погром, правительство Теодора Рузвельта в Америке разорвало дипломатические отношения с российским правительством. Так как погром никоим образом не касался каких-либо американцев или их интересов, то этот инцидент показывает силу и власть губителя. Если бы жертвами погрома оказались лапландцы, казаки, прибалты или украинцы, то Вашингтон не обратил бы на это никакого внимания.

Первая мировая война, в своей первоначальной форме также как и в ее дальнейшем развитии, ни в коем случае не выражала европейские проблемы того времени. Этот большой поворотный пункт мы рассмотрим в другом месте, но последствия, которые принесла война России, важному врагу губителя, можно продемонстрировать. В первое время после большевистской революции культурный губитель в своей прессе громко хвастался своей связью с большевизмом. России Романовых пришлось платить за три века погромов в тысячекратном размере. Царь и его семья были расстреляны в Екатеринбурге, и над их телами был изображен кабалистический символ. Весь слой, который был носителем европейской цивилизации в России, был убит или изгнан. Россия оказалась потеряна для Европы и превратилась в самую большую угрозу для Запада. В большевистских войнах, эпидемиях и голодоморах, последовавших за революцией, погибли от 10 до 20 миллионов человек. Боевой клич звучал: «Разрушить всё!» – то есть, всё западное. Антисемитизм был объявлен преступлением.

Этот пример наглядно показывает нам, какой размер может приобрести культурное искажение. Мощная формирующая сила западной культуры вовлекла Россию в свою духовную сферу влияния. Инструментом этого развития был Петр Великий. Основанная им в семнадцатом веке династия Романовых (так у автора! – прим. перев.) была символом для определяющего влияния европейского духа на огромном субконтиненте, названном Россией, кишасщем миллионами людей из населяющих его примитивных народностей. Преобра-

зование, естественно, не удалось полностью; да так и не могло случиться, ибо высокая культура привязана к месту, и ее нельзя перемещать просто так. Несмотря на это, династия Романовых и европейский слой, который они представляли в России, на протяжении трехсот лет обеспечивали Европе сравнительную безопасность на востоке. Большевизм устранил эту защиту. Когда армии царя Александра I в 1814 году заняли Париж, европейский лоск ее командиров вынудил их вести себя так, как европейские войска. Все выглядело точно так же, как если бы европейские войска вошли в европейскую столицу. Но большевистские войска, которые в 1945 году водрузили красное знамя в сердце Европы, уже не имели с Европой совсем ничего общего. В крови и в инстинктах этих примитивных людей был безмолвный императив: «Разрушить всё!»

*

Феномен культурного искажения не ограничивается областью действия. Влияние античной культуры на раннюю арабскую культуру, примерно до 300 года от Р.Х., искажало выражения новой возникающей культуры. Освальд Шпенглер описал эту ситуацию, продолжающуюся столетиями, как «псевдоморфоз», как подделку форм всех проявлений молодой культурной души.

Высшее совершенствование нашего западного искусства и его эзотерический характер были доступны только немногим и предотвращали его искажение со стороны посторонних. Сами европейцы стремились вводить при случае – как, например, Томас Чиппендейл или классики в художественной литературе, философии и изобразительных искусствах – внекультурные мотивы, но, используя их, они также превращали их и приспособляли их к нашему чувству. Но в западном направлении искусства во время его наивысшего расцвета не было культурного губителя. Достаточно подумать о Кальдероне, Рембрандте, мастере Эрвине фон Штайнбахе, Готфриде фон Штрассбурге, Шекспире, Бахе, Леонардо да Винчи, Моцарте. Живопись маслом и музыка оставались во время их реализации полностью западными. Когда в конце девятнадцатого столетия эти оба великих искусства стали историей, появились и губители с их намалеванным мерзким уродством и с их музыкальным грохотом. Благодаря своему общественному влиянию им удавалось представить эти ужасы как произведения, достойные Рембрандта или Вагнера. Каждого меньшего художника, который продолжал творить в старых традициях, подавляли и травили, тогда как культурного губителя восхваляли как великого художника. В середине двадцатого века, наконец, они дозрели до того, что просто открыто стали брать старые художественные произведения и искажать их. Произведения западных мастеров были искусственно трансформированы в форму «музыки», позаимствованной из примитивной культуры африканских аборигенов. Уже даже и не пытались разыгрывать оригинальность. Если культурный губитель производил спектакль, то часто это была просто искаженная пьеса Шекспира, деформированная, извращенная и уни-

женная для того, чтобы распространять социальную пропаганду губителя. Каждый другой спектакль подавлялся доминирующим перевесом культурного чужака и его контролем над рекламным бизнесом.

Исключительность Запада, как и в области действия, так же и в этой области сохранила чистоту выражения его души, и только вследствие триумфа количества в идеях, методах и чувствах культурному губителю удалось беспрепятственно проникнуть внутрь. В области действия деньги, демократия и экономика – все количественное, не исключительное – предоставили культурным чужакам общественное влияние. Без европейского материализма и либерализма, без денежного мышления это проникновение было бы так же невозможно для чужака, как для европейца овладение талмудистской казуистикой.

И с этим мы приступаем к будущему. Нам известны грядущие процессы развития западной души. Авторитет власти возникает снова, старая гордость и старая исключительность Запада снова существуют. Феномен вроде Дизраэли, культурного губителя на посту премьер-министра европейского государства, был просто невообразим сотней лет раньше, в эпоху Питта, и так же невообразим он сегодня и в европейском будущем. Политика входит в новую сферу: европейские нации ушли, но европейская нация на подходе. Осознание единства Европы вытесняет партикуляризм девятнадцатого века. Только реакционеры и губители противились объединению Европы после нового подъема авторитета.

Мы удаляемся все больше от материализма и тем самым – от культурного губителя. Материализм в области мышления ведет отчаянные арьергардные бои. В физике, космогонии, биологии, психологии, философии и в художественной литературе он уже преодолен. Эта непреодолимая тенденция не позволит больше губителю осуществлять искажения, так как у него больше не будет доступа к делам Запада. Запад всегда был эзотерическим: когда в 1790 году было издано собрание сочинений Гёте, то на них нашлось всего шестьсот подписчиков. Но этого круга оказалось достаточно, чтобы сделать его известным во всей Европе. Также Дитрих Букстехуде, Орlando Гиббонс, Бах и Моцарт писали для маленького круга, который не включал культурных губителей. Немного людей в тогдашней Европе понимали политику Наполеона в ее поздних разветвлениях. Губители могли видеть только то, что касалось их. Несущий культуру слой Запада объединяется над разрушившимися стенами вертикального национализма. Запад отбрасывает материализм и готовится к своему последнему большому заданию: созданию западного единства культуры-государства-нации-народа-расы-империи как основы для реализации своего внутреннего императива абсолютного империализма.

Проблема культурного искажения вместе с этим очень существенно изменится. Скоро исчезнет даже сама возможность, что паразит сможет играть роль в

общественной жизни Запада. Его здоровый инстинкт побудил губителя, оставить Европу и отныне поселится вне Европы. Старые инструменты финансового капитализма и классовой борьбы потеряли их эффективность перед лицом снова приобретенного авторитета, и теперь значение имеют лишь армии. Теперь губитель стремится снаружи реализовать свою старую, порожденную внутренней потребностью задачу мести, в чем ему помогает то обстоятельство, что в западной колонии, в Америке, все еще существуют культурные болезни, которые оттуда оказывали и все еще оказывают решающее влияние на мировые процессы.

Четвертая глава. Америка

Использование американской внешней политики с 1933 года

Как уже упоминалось в главе о культурном паразитизме, антисемитские эксцессы в России после Русско-японской войны (1904-1905) привели к разрыву дипломатических отношений между Россией и Соединенными Штатами Америки. Так как никогда прежде эксцессы расового, культурного, национального или религиозного характера, направленные против нееврейских частей населения в России или любой другой стране, не приводили к тому, что американское правительство разрывало дипломатические отношения, этот факт можно было толковать только как показательный пример культурного искажения. Побуждение к этому сенсационному шагу международного значения исходило от определенных элементов в окружении тогдашнего президента Теодора Рузвельта, которые принадлежали к тому же единству культуры-государства-нации-рода-расы, что и жертвы погрома.

Историки могут проследить появление культурно-патологических явлений в американской внешней политике примерно с 1900 года. Здесь, тем не менее, мы рассмотрим период с 1933 года, года, который был судьбоносным как для Америки, так и для Европы.

Первым не рутинным действием революционного режима, после предварительного укрепления его власти, стало дипломатическое признание большевистской России. Для явно рассерженной американской общественности это решение скрашивалось тем, что это, мол, было лишь политически совершенно безобидным рутинным действием без идеологического значения. В действительности это стало началом сотрудничества Вашингтона и Москвы, продолжавшееся, с лишь поверхностными перерывами, до тех пор, пока русские и американские армии не встретились в сердце запада, втоптав в пыль и Лондон, и Берлин.

В 1936 году большевистская революция и европейский авторитарный дух двадцатого столетия столкнулись на полях сражений в Испании. Функционе-

ры расположенного в Америке режима частным образом выражали свои симпатии Красной Испании. Однако недвусмысленная оппозиция католической церкви против американской помощи испанским большевикам предотвратила интервенцию. Католическая церковь в Америке насчитывает двадцать миллионов приверженцев, а искажающий культуру режим еще не достаточно укрепил свою власть и потому пока не мог пойти на внутривнутриполитический конфликт, который повлекла бы за собой его интервенция. Режим как раз готовился провести во второй раз президентские выборы, и в предвыборной борьбе ему еще противостояли большие организованные группы. Ошибка во внешней политике в тот момент могла бы оказаться для него роковой. Благодаря своим превосходным предвыборным приемам режим остался у власти. В октябре 1937 года открыто началась подготовка к Второй мировой войне. Официально было заявлено, что американское правительство устанавливает «карантин для агрессоров». Органы пропаганды уже идентифицировали слово «агрессор» с Европой и с хранителями европейского будущего. Чтобы удовлетворить национальные элементы, Япония также причислялась к агрессорам, но режим по-прежнему снабжал Японию жизненно важными видами сырья для ее военной промышленности, одновременно отказываясь от продажи сырья в Европу и бойкотируя импорт европейских товаров, поступающие из областей, которыми не правил искажающий культуру режим.

Осенью 1938 года политическая сцена для мировой войны была готова. Пропаганда почти половины Европы была приведена под контроль Вашингтона, и правительства почти половины Европы стали марионетками Вашингтона. Присоединение Богемии к Европе, результат взаимного соглашения четырех европейских руководителей, которые самостоятельно принимали свои собственные решения, пресекло, вопреки самой тщательной подготовке, планы вашингтонского режима. Но американское казначейство находилось в распоряжении у режима в форме «стабилизационного фонда», и режим мог использовать его миллиарды, не будучи обязан отчитываться об этом. Субсидии, которые его пропагандисты получали в европейских странах, теперь возросли настолько, что вследствие этого вскоре почти половину Европы убедили ненавидеть руководителей, предотвративших внутриевропейскую войну.

Так как непосредственной возможности для войны в Западной Европе не было, для следующего инцидента требовалось восточное соседнее государство, и поэтому Польша оказалась втянутой в планы Вашингтона. Польское правительство, якобы защитник национальных интересов Польши, вызвало безнадежную войну, и непосредственно после этого Россия публично согласилась с разделом Польши. Правительство, инициировавшее начало войны, после этого сразу исчезло, и никто больше никогда ничего о нем не слышал. Оно заработало себе свою пенсию. Но в то время, однако, внутренняя американская пропаганда распространяла утверждения, что Польша якобы могла бы оказывать сопротивление в течение долгих лет.

В 1940 году война становилась серьезной. Франция и Нидерланды за несколько недель оказались отрезаны от Америки. Американскому режиму пришлось прийти к выводу, что его контроль над Европой потерпел значительный ущерб. Кроме того, он имел дело с собственным населением, которое не только не проявляло военного восторга, но с явно враждебным духом сопротивлялось любому вмешательству в войну, которую сама вашингтонская диктатура и спровоцировала. Вследствие этого линия движения сторонников невмешательства (нейтралитета) была принята даже культурным губителем, а пропаганда выдумывала, что экспорт боевой техники был способом удержаться в стороне от войны. Другими словами: такое ограниченное участие якобы и было невмешательством. Для населения без политического сознания в стране без традиции, государства и высокой истории это звучало убедительно, и направленное жестко против вмешательства настроение масс было, таким образом, поставлено на службу интервенционистских планов Вашингтона. Ограниченное участие становилось все меньше ограниченным. Закон, который национальные элементы приняли задолго до войны, чтобы предотвратить этот вид военного участия, был отодвинут циничным способом. Американские экспедиционные войска были посланы за границу, американским кораблям было приказано атаковать европейские корабли в открытом море, торговые суда европейского происхождения конфисковались – и все это исходило от правительства, которое всему миру зачитывало прямо-таки папские энциклики в защиту международного права.

После того, как театр военных действий распространился на большевистскую Россию, отношения с Европой были разорваны в течение двух недель. Но внутривнутриполитическая ситуация все еще препятствовала Вашингтону приступить к непосредственному участию в войне, а Европа не поддавалась на провокации той необъявленной войны, которую Америка вела на море. Единственный оставшийся американский бастион в Европе был британским островом, и он удерживался только политическими и финансовыми средствами и путями, которые могли быть прерваны в любой момент. Чтобы война не смогла закончиться европейской победой над азиатской Россией, требовалось непосредственное вмешательство Америки с использованием всего ее военного потенциала. Европейская победа привела бы к общему урегулированию всех старых политических спорных вопросов Западной Европы и вследствие этого к европейскому единству культуры-нации-государства-народа-расы при авторитарной политической основе, неприступной для культурного искажения, что, кроме того, уже одним своим примером неизбежно вызвало бы американскую национальную революцию против искажающего культуру режима.

Так как все усилия сделать из Европы врага с помощью необъявленной войны не принесли желаемого результата, они теперь стремились вызвать войну на Дальнем Востоке, чтобы после такого обходного маневра добиться участия в настоящей войне, войне против европейской цивилизации. С этой целью в ноябре 1941 года японскому правительству был предъявлен ультима-

тум, который потребовал от Японии освободить все территории, захваченные японцами с июля 1936 года. Ответом Японии было уничтожение американских линкоров в Пёрл-Харборе в декабре 1941 года. Общественные и официальные расследования, проведенные после войны национальной стороной, привели логичные доказательства того, что вашингтонский режим знал о предстоящем нападении и ему был известен даже день нападения, так как он мог читать японские радиogramмы. Тем не менее, режим не принял военных мер предосторожности и цинично пожертвовал тысячами американских солдат и матросов. Машина пропаганды была уже подготовлена к тому, чтобы обвинить Европу в японском нападении, но объявление войны Европой спустя несколько дней после этого нападения, сделало такую пропаганду бессмысленной.

С тех пор 80 % американских военных усилий были направлены на войну против ненавистной европейской цивилизации. Австралия и Индия оставались без внимания, за исключением слабых мероприятий для прикрытия от второй волны японского наступления, которой так и не произошло. Но если бы она случилась, то белое население Австралии оказалось бы под управлением Японии – вследствие патологического искажения западной цивилизации. Европейцам следовало бы запомнить знаменательное заявление американского командующего (Дугласа Макартура – прим. перев.), которое он сделал летом 1942 года как раз в этой находящейся под угрозой части белого мира: «Будущее цивилизации покоится на славных знаменах русской армии». Из этого становится очевидным, что и для высокопоставленных военных однородность мышления – это тоже необходимое предварительное условие.

*

Ведение войны Америкой, на высшем уровне, резко отличалось от принципов чести, всегда являвшихся определяющим фактором в действиях европейских наций и их руководителей. Главный удар по Европе был нанесен самолетами-бомбардировщиками, дислоцировавшимися на европейском острове, который был занят в 1942 году американскими войсками. Воздушные бомбардировки почти полностью направлялись только против европейского гражданского населения, хотя было прекрасно известно, что этим нельзя достичь никакого приемлемого решения. Американская пресса кровожадно вещала о «block-busters» («разрушителях жилых кварталов»), имея в виду бомбы, каждая из которых могла уничтожить целый жилой квартал и убить несколько сотен людей. С гордостью демонстрировались фотографии, где можно было видеть результаты этого позорного ведения войны против семей и жилых мест. Раскручивалась пропаганда, что каждый, кто сопротивлялся армиям или идеологии Америки, является преступником, и должен будет отвечать на «судебном процессе» за свои «преступления».

Европе не в новинку была американская пропаганда ужасов – распространение измышлений о зверствах. Вследствие низкого интеллектуального уровня из-за культурного искажения и культурной реакции в Америке что-то подобного рода воспринимается буквально, тогда как в Европе понимают, что это собой представляет – а именно, массовая пропаганда для малоразвитых. Так американская пресса распространяла во время Первой мировой войны истории об ужасах, которые совершили – естественно – противники американских войск. Как место происшествия этих историй была избрана Бельгия, и утверждалось, что немецкие оккупационные войска распинали на крестах мирных бельгийцев. Но и это еще не все: грудным детям отрубили руки и так далее. В Америке все это приняли настолько серьезно, что после войны в Бельгию отправилась делегация американских журналистов, чтобы расследовать эти истории, и потом она сообщила американской общественности, что они оказались ложью. Потому в Европе не приняли всерьез тезис, что каждый, кто сопротивляется Америке, в силу самого этого факта является преступником. Но он послужил для того, чтобы подготовить американский народ к преступлениям, которым предстояло совершиться после войны в Европе.

Наконец, руководство, годами рассказывавшее о «военных преступлениях», ведя одновременно войну против гражданского населения, в 1945 году вооружилось снарядом, который можно было использовать только против гражданских лиц – атомной бомбой. В тогдашних тактических условиях эта бомба не могла применяться против вооруженных сил, а только против крупных городов, где во время войны практически не было мужчин в годном к военной службе возрасте. Эту бомбу сбросили без каких-либо эмоций и без предупреждения, и за несколько секунд она уничтожила сотни тысяч гражданских лиц.

После Второй мировой войны американская внешняя политика по-прежнему шла тем же путем. С оккупированной Европой обращались как с территорией, отданной на разграбление. Фабрики демонтировались и машины отправлялись в Россию; другие технические устройства подрывались, что было частью обдуманного политического плана разрушения европейского промышленного потенциала. С населением обращались как с неполноценными людьми, и против него применялась политика искусственного голода, продолжавшаяся даже еще в 1948 году. Хотя Америка, без каких-либо моральных обязательств, вывозила продукты во все части мира, она, тем не менее, отказывалась поставлять достаточное количество продовольствия в оккупированную Европу, чтобы помочь людям там выжить. Установленные продовольственные нормы были далеки от необходимого для здоровья качественного и количественного минимума, и вскоре истощение, кожные болезни, инфекционные заболевания и заболевания упадка начали вызывать смерть миллионов. В первом диком опьянении «победой» американская армия даже запрещала своим солдатам разговаривать с населением. Этот запрет был отменен

только тогда, когда приговоры военных трибуналов стали слишком многочисленными, и его сменили на интенсивную пропаганду ненависти среди американских войск. С европейским населением обращались, как будто бы оно стояло намного ниже победоносных американцев. В официальных декларациях их называли «местным населением». В общественных зданиях они не могли пользоваться теми же туалетами и умывальниками, что и стоящие намного выше их американцы: белые и негры. Их дома конфисковались в большом масштабе. Американские солдаты и гражданские лица могли вызывать свои семьи из Америки и заселялись в неповрежденные дома, в которых проживали, вероятно, пятнадцать или двадцать представителей «местного населения». Большей частью жителям разрешалось взять с собой только одежду и продукты. Не принималось никаких мер, чтобы как-то разместить людей, лишившихся таким образом своего жилья, ибо они рассматривались как люди низшего сорта и обращались с ними соответственно. Это население было лишено права физически защищаться от американцев. Европейцы, которые в ответ на удар американца, давали ему сдачи, сразу осуждались американскими военными судами к тюремному заключению. Ходил слух, что одного европейца, якобы назвавшего американского военнослужащего-еврея «грязным жидом», осудили на два года тюрьмы.

Это позорное поведение американских оккупационных войск – достаточное доказательство наличия чуждых культуре элементов, так как никакая европейская нация или колония не могла бы позволять себе такие действия. Однако лишь ее внутренняя сущность, тысячелетняя традиция, запретили бы ей это. Какая европейская нация опустила бы женщин другой европейской нации до статуса наложниц и запретила бы браки между собственными гражданами и гражданами любой другой европейской нации? Однако именно это делало американское руководство. Оно разрешало конкубинат, но запрещало брак. Как следствие этой политики в оккупированной Европе венерические болезни принимали масштабы настоящих эпидемий. Среди этого голодающего, страдающего от болезней населения американские солдаты и их семьи живут, защищенные винтовками и колючей проволокой, в домах, которые пощадили их бомбы, и едят не подлежащую никакому нормированию пищу. В таких условиях развиваются не самые лучшие качества. В начальный период оккупации «лишние» продукты и предметы одежды даже сжигались на глазах голодающего и мерзнувшего «местного населения».

Когда летом 1947 года из-за распределения продуктов назревал голодный бунт, один из американских губернаторов официально заявил, что у американского народа нет никаких обязательств – ни по международному праву, ни моральных – кормить подчиненное население в занятой Европе, и что в случае восстания оно будет подавлено штыками и пулеметами. Описанное здесь это только часть картины того, что происходило всюду в занятой американцами Европе. Это по-прежнему происходит, и это имело глубокое и широкое влияние на европейское мышление.

Как было рассмотрено при исследовании мотивов, вызывающих войны, мотивы борьбы за власть в нашем столетии имели культурное происхождение. В течение ранних столетий мотивы часто порождались борьбой между императорами и Папами за мировое господство, позже религиозными спорами, затем династическим честолюбием и, наконец, единствами наций и торговым соперничеством. Сегодня самый важный факт в мире это духовное единство западной цивилизации, которое она как раз осознает, и проснувшаяся разрушительная воля внешнего мира. В области действия это принимает форму политической борьбы между западной цивилизацией и ее колониями с одной стороны и незападными силами с другой стороны. Поэтому вражда между Америкой и Японией была естественной, и все национальные элементы в Америке видели ее именно такой. Тем не менее, искажающие элементы в Америке никогда не рассматривали эту вражду как важную, так как в Японии не было антисемитизма. Это позволяет рассмотреть американскую политику в оккупированной Японии в правильном свете

После оккупации Японии американская армия сразу же стала пропагандировать и проводить самую доброжелательную политику по отношению к японскому населению. Армия официально создавала бордели с японскими женщинами для своих солдат. Никакие дома у японцев не конфисковались, вместо этого строили казармы. Питание было достаточным. Императору были оставлены его титул и положение, и его божественность оставалась неприкосновенной перед общественностью. Вследствие обычно уважительного обращения американцев с японскими гражданскими лицами, самоуважение японцев не пострадало. Американская политика была направлена на восстановление промышленного потенциала страны. Японцам предоставили права самоуправления, парламент, правительство и администрация были сохранены. Прежним политическим руководителям вежливо сообщали о том, что они будут подвергнуты суду по обвинениям в военных преступлениях, так как этот извращающий право вздор стал для американских армий принудительным обязательством повсюду, куда бы они ни приходили как победители. Единственным чрезмерным требованием, которое было предъявлено населению, было принятие культа «демократии». Для населения, национальная религия которого уже состояла из конфуцианства, буддизма, синтоизма и культа императора, это не было большой жертвой.

Руководители, на которых практиковался продолжительный ритуал экзорцизма военных преступлений, не поносились ни в японской, ни в американской прессе. Их также не фотографировали непрерывно, не подвергали допросам во фрейдистском духе, не принуждали поднимать окурки американских солдат, и не унижали систематически, как европейских жертв американской армии. И, прежде всего, процесс «военных преступников» не распространялся на всю организацию гражданской и военной жизни Японии, как это происходило в Европе и происходит еще сегодня, в 1948 году.

Различие в политической тактике при оккупации Европы и Японии достаточно велико, чтобы разоблачить все формирующее влияние американской внешней политики. Господствующий стимул политики оккупации в Европе – это месть. Как указывало исследование сущности политики, между тем, месть не принадлежит к политике, но преступает границы политики. Политикой не занимаются, чтобы унижить врага или искоренить побежденное население. У политики есть цель – увеличить власть, но американский режим никогда не учитывал при формировании и проведении своей политики в оккупированной Европе факты власти. В области с гигантским военным потенциалом, который этот режим контролирует, и мог бы употреблять для нужд собственной власти, он планомерно разрушает фабрики и машины. Среди населения, которое могло бы дать им миллионы лучших солдат в мире, американцы ведут себя с дикостью и наигранным превосходством, которое заставляет «местное население» навсегда видеть в них враждебных чужаков. Они взяли в плен лучших полководцев западной цивилизации, у которых они должны были бы учиться, но вместо этого идут на то, что вешают их за преступления, выражавшиеся в их сопротивлении американским войскам на поле боя.

Короче говоря, вместо того, чтобы укрепить американскую власть, американская политика оккупации ослабляла ее любым способом. Это убедительное доказательство того, что повод для такого поведения не исходил от политики. Он исходил от глубокой и тотальной органической непримиримости между высокой культурой и находящимся внутри нее паразитирующим организмом. Это отношение выходит за рамки обычной международной политики. Оно подобно отношению между римскими легионами и варварами Митридата и Югурты, или между крестоносцами и сарацинами, или между Европой и турками в шестнадцатом веке. Оно даже еще глубже из-за деформации, причиненной душе паразита чувством мести за все века, когда он молча сносил бесспорное превосходство хозяина. Когда побитая Европа – и, в частности, самая жизненно важная ее часть, носитель великой европейской идеи двадцатого столетия – лежала у ног этого совершенно чужого завоевателя из культуры прошлого, никакое чувство великодушия, благородного качества или сострадания не проснулось в его ликующей душе. Его душа наполнена горечью, которую он пил все тысячу лет, пока он, страдая от высокомерия чужих европейских народов, в которых он всегда видел и все еще видит варваров, гоев, тоскливо ждал своего времени. Если посмотреть с этой точки зрения, то американские армии были так же полностью побеждены, как армии культурной метрополии. Настоящий победитель был культурным чужаком, который этим триумфом над всей западной цивилизацией достиг высшей точки своей судьбы.

*

Что касалось Америки, конечный результат американской политики с момента американской революции 1776 года был отрицательным. Естественные,

геополитические, национальные интересы Америки лежат в Центральной Америке и Южной Америке и на Дальнем Востоке. Во всемирной борьбе между западной цивилизацией и внешними силами за контроль над нашей планетой естественный интерес европейской политики направлен на Африку, Ближний Восток и широты азиатской России. Само собой разумеется, что Америка как колония этой цивилизации, получающая от нее все свое духовное питание, не занимает его все умственное питание, не противопоставляет себя этому интересу. Какие интересы есть у национальной Америки в России, Африке, на Ближнем Востоке? И соответственно, с другой стороны, какой политический интерес есть у Европы к Центральной или Южной Америке? Между Европой и Америкой нет никакой естественной, органической конвергенции власти, но она, пожалуй, существует между Америкой и Японией.

Американская внешняя политика нарушает каждый пункт этого естественного положения. Она сделала Россию союзником Америки – не против Японии, что можно было бы понять, а против Европы, что было безумием с точки зрения подлинных американских интересов. Она воевала с Японией, а после победы перешла к тому, чтобы реабилитировать Японию вместо того, чтобы трансформировать ее в долговременную составную часть американской империи. Она воевала с главным союзником Америки, с Европой, которая является не только естественным политическим союзником, но и духовной матерью Америки, тотальным культурным союзником. Когда военная удача подарила Америке победу в войне, она могла бы исправить свои прежние ошибки. Япония присоединилась бы к заморским владениям американской империи, Европа смогла бы восстановиться. Но на самом деле было сделано как раз наоборот. Европу грабили и морили голодом, в то время как Японию, естественного врага, восстанавливали для следующей войны против Америки. Короче, внешняя политика Америки не была американской. Одни лишь ее фактические действия вполне убедительно доказывают это.

Культурное искажение с 1933 года обладало в Америке наивысшей властью, принимая решения о войне и мире. Победа американского оружия не принесла Америке расширения власти. Япония представляла собой одни расходы – большую часть ее машин передали России, а нехватку продовольствия в Японии приходилось компенсировать американскому населению. В то время как промышленная мощь России невероятно возросла благодаря машинам, которые она отняла у Европы и которые получила от Америки из оккупированных ею половины Европы, Америка же только взяла на себя большую часть расходов. Она настолько основательно опустошила оккупированную ею территорию Европы, что добрую часть материального снабжения ее войск приходилось ввозить из Америки. Американские армии покинули Китай и Индию, Северную Африку и Персию и таким образом отреклись от самой большой империи в мировой истории. В конце Второй мировой войны Вашингтон был столицей военной сферы влияния, которая охватывала девять десятых поверхности Земли, включая мировые океаны.

Следовательно, политика культурного губителя вовсе не была направлена, как полагали некоторые люди, на мировое господство. Эта грандиозная идея могла исходить только от европейского слоя. Чужой организм в теле западной цивилизации может только искажать жизнь Запада. Паразит не может сам стать западным, а мировое господство – это западная идея. И это тоже не идея для каждого, но, как и все создающие форму западные идеи она исключает людей, лишенных глубины или действенной силы. Поэтому Америка также не могла удержать ту огромную империю, которую она завоевала. У Америки еще нет достаточного исторического опыта; она еще не выработала своего политического сознания, которое научило бы, как создавать империю или как ею управлять. В массовом сознании американцев у всей Второй мировой войны была одна только отрицательная цель: разрушить европейскую идею.

Таким образом, культурное искажение в Америке не преследовало ни национальных интересов Америки и не стремилось к покорению мира, ни для себя, ни для Америки. Вследствие этого Америка потерпела политическое поражение во время Второй мировой войны. Для Европы это очевидный факт. Важнее, в какой мере это осознается в Америке. Это касается многих вопросов: формы будущего Америки, американского национализма, перспектив продолжения культурного заболевания и духовных возможностей Америки.

Будущее Америки

В начале Америки содержится ключ к будущему Америки. Как говорил Лейбниц: «Le présent est chargé du passé et gros de l'avenir» («Настоящее обременено прошлым и чревато будущим»). Америка возникла как колония западноевропейской культуры. Высокая культура привязана к ландшафту своего рождения. Здесь она родилась и здесь она решит также свои последние и самые сильные проблемы. В ее современной фазе западная цивилизация определяет духовное направление всего мира. Такие элементы как Россия и Япония существуют лишь в качестве активного сопротивления против западной цивилизации, как отрицание ее мировоззрения. Эта цивилизация сотворила даже своих собственных противников; ее динамика мобилизовала внешние силы и побудила их к нынешней активности. Колонии, которые основала эта культура с 1600 по 1800 годы всюду в мире, сохранили свою духовную связь с материнским организмом. Духовная родина ведущих умов Аргентины, Южной Африки, Австралии, Америки, Канады и других меньших колоний – это Европа, и они получают свое мировоззрение, свои планы, идеи и свой внутренний императив у плодотворного духа создателя материнской культуры. Эти колонии остаются духовными союзниками западноевропейской цивилизации. Их политические интересы едва ли могут находиться в противоречии с интересами Европы, так как судьба Европы – это также и их судьба.

В эту эпоху культура – это движущая сила политики. Мир разделен на западную цивилизацию и всё, что вне этой цивилизации. Победа Европы над Россией или Индией – это также и победа для Америки, а победа Америки над Японией или Китаем – это также победа для Европы. Америка и Европа образуют духовное единство. Поэтому существует реальная и органическая возможность того, что Америка и Европа снова будут объединены политически. Собственно, все, что имеет одну и ту же судьбу, представляет собой политическое единство, и продолжение политических расхождений является искусственным и вредным для жизненных интересов организма. Основная цель жизни – это реализация возможного. Вследствие весьма опасного для западной цивилизации международного положения, которое останется опасным также после успешной войны, органические течения, стремящиеся к воссоединению Европы и Америки, неизбежно завоюют сознание лучших умов Америки и Европы и наполнят их необходимостью этого воссоединения. Для появления такого течения не понадобится больше времени, чем одно поколение. Будет ли оно реализовано, никто не может предвидеть, в такой же малой степени, как Рамессиды могли предвидеть судьбу Карнака. Но жизненная необходимость этого течения сделает его центром действия.

Однако органическая идея воссоединения едва ли сможет осуществиться до тех пор, пока Запад страдает от внутренних культурных болезней. Это поднимает вопрос, как Америка реагирует на болезнь культуры.

Первые побуждения американской народной души обнаруживали прообразы свободолюбивых колонистов, пионеров, исследователей, жителей фронта. Этот человеческий тип отличается находчивостью, бесстрашием и техническими способностями. Это просто было старое готическое стремление к далекому и воля захватить то, что отделяло его от этой дали. У первых американцев было инстинктивное чувство расового превосходства, связанное с их сильной верой в себя. Этот человеческий материал сформировал основу для янки, которая стала основой сецессионной войны. Война отчеканила для старого типа форму материалистического экономического века, что было только естественно, так как вся западная цивилизация находилась в кризисе, кризисе цивилизации. Ниспровергающие и поворотные события войны формировали душу американского народа. Это поздний народ, под чем мы понимаем технический, жесткий, обращенный наружу народ, лишенный всех возможностей в культурной области – в узком смысле. Эта твердость и эта обращенность наружу и технический талант навсегда останутся в американской душе, так как они составляют ее сущность. Идеологический грим был всего лишь гримом и принадлежал к духу времени. Этот дух мертв, и Америка может увековечивать прошедшие идеи в такой же малой степени, как организм может развиваться в обратном направлении: от старости к молодости. Американская идеология и мировоззрение не имеют будущего; у души американского народа, напротив, есть будущее, так как этот народ – это организм. То, что этот народ подчинили одному из массовых идеалов, а массовое

мышление подчинили массовому бытию, было искажением и преувеличением тенденций американской души и возможностей материалистического века. Это деформирование американской судьбы было возможным только вследствие культурного искажения и культурной реакции. Поэтому ближайшее будущее Америки тесно связано с культурным искажением и с американским противодействием. Нужно оценить распределение духовных и материальных сил, которые при этом будут действовать. Сначала рассмотрим группу, искажающую культуру.

Численность членов еврейского элемента в Америке оценивается цифрой от 8 до 12 миллионов человек. Но число, между тем, – не самое важное, так как у этого органического единства есть сильные расовые инстинкты и мощное сознание своей миссии. Численность определенно играет роль, как для размера культурного искажения, так и для формы и размера противодействия, но общественное влияние искажающей культуру группы основывается на контроле, который она осуществляет через центральные организации. В пропаганде этот контроль является абсолютным. Он охватывает кино, радио, прессу – газеты, журналы, книги, университеты и сцену. Радио контролируется немногими большими охватывающими всю страну радиокорпорациями, которые наблюдают за программами отдельных передающих станций, даже если это частное владение. Газетная пресса зависит от немногих больших агентств новостей, которые находятся во владении этой группы и наблюдают за передачей новостей газетам, даже если газеты принадлежат частным лицам; они ничего не могут изменить в том, что агентства дают им. Журналы и книги контролируются в большинстве случаев правом собственности в издательствах и типографиях и в остальных случаях общественным, экономическим, моральным и юридическим давлением. Сцена контролируется правом собственности в театрах и другими репрессиями. Университетами владеют посредством того, что доля численности искажающей культуру группы, как в преподавательском составе, так и в студенчестве, непропорционально велика, и она проводит хорошо организованную агрессивную деятельность. Искажающая культуру группа контролирует также обе политические партии, а именно, через огромную бюрократию, которая была создана с 1933 года. В ней господствует группа, члены которой составляют непропорционально большую часть штата чиновников. Этот административный контроль распространяется также на вооруженные силы.

В финансовом мире – который также является собственником всей промышленности и контролирует ее – влияние этой группы тоже является чрезмерно большим относительно ее доли в численности населения; оно исходит еще от Гражданской войны, когда несколько предшественников более позднего вторжения занимались нелегальной торговлей оружием между армиями южан и северян.

Последствием всего этого является сильное духовное влияние на американский народ. Этот народ читает книги, которые пишут и издают для него чужаки. Он смотрит спектакли и фильмы, которые ему разрешено видеть. Он думает о том, что ему навязывают. Его отправляют на войны, которые противоречат американским интересам и которые он может только проиграть. Главные жизненно важные вопросы Америки, в которых речь идет о войне и мире, жизни и смерти, решает культурный чужак. Америке было придано семитское выражение лица и стиль. Американцы, занимающие влиятельные посты, получают их с согласия чужака. Ни один общественный или политический деятель не решается воспротивиться чужаку. Американцам было сказано, что раздел Аравии – это дело, которое непосредственно касается их, и не было ни одного общественного канала сообщений, через который американец мог бы фундаментальным образом отрицать картину мира, подпиральную такую политику.

Но тот, кто понимает дух истории, знает, что чужое и свое не могут слиться, что они могут только бороться друг с другом. Обман, террор, угрозы, диктатура, давление, пропаганда – все это не может достичь ядра этой связи. У американского народа – который еще не является нацией – есть своя собственная душа, и только недостаточный исторический опыт и недостаточный уровень развития культуры, которую создавал этот народ, сделали возможными широкое и опасное распространение культурного заболевания. Но сам факт культурного искажения предполагает существование – во всей внутренней чистоте – души народа-хозяина. Искажение не может разрушить хозяина, она может только направлять его энергию на неправильные, чуждые ему проблемы ради интересов паразита.

*

Как Европе теперь известно, Вторая мировая война была проявлением болезни культуры. Затеяли ее в Америке, искусно готовили с 1933 по 1939 годы, и она весьма хитрым образом приняла такой вид, будто бы речь шла о привычном конфликте между двумя вчерашними европейскими державами, хотя в действительности все отодвигал в тень главный вопрос: объединение Запада против соединяющихся и угрожающих его жизни внешних сил – России, Китая, Индии, Ислама, Африки. Подлинный смысл войны стал в 1945 году очевидным всему миру, когда искажающий культуру режим в Америке и монголов в Кремле торжественно встречали как победителя. Впервые во всемирной истории мир был разделен между двумя силами. Европа проиграла войну и в своем поражении достигла единства, которого прежде никак не могла добиться своими победами. Ей достался тот же статус, который раньше был у Китая и Индии, статус добычи внешних сил.

Но и для Америки результатом войны тоже было поражение, во-первых, так как вопрос, о котором шла речь в войне, был ошибочным, и, во-вторых, так

как использование ее военных успехов было ошибочным. Факты такого значения не могут оставаться в тайне.

Даже если ничего не было бы известно о фактах наличествующего в Америке противодействия, знание об органической природе истории свидетельствовало бы, что такое противодействие есть. Факты американского националистического сопротивления точно соответствуют тому, чего бы мы ожидали. История воздействует через меньшинства, и численный объем этих меньшинств – это отражение необходимости исторического феномена. Националистическое меньшинство в Америке охватывает минимум десять миллионов человек. Оно едва ли организовано. Существует примерно тысяча организаций сопротивления, но они политически безрезультатны, даже если и очень симптоматичны с духовной точки зрения.

Националистическое сопротивление вторжению чуждых культуре элементов началось в 1915 году с основания второго Ку-клукс-клана. При ретроспективном взгляде этот год можно обозначить как начало первой фазы американской революции. Если мы примем десять миллионов как приблизительную численность национальных элементов, пусть это только оценка, но это число составляют люди, находящиеся под сильным влиянием национальной идеи Америки. В меньшей степени это чувство разделяют намного более широкие круги населения. Никто никогда не отрицал того, что желание придерживаться нейтралитета в войне, которую вызвал вашингтонский режим в Европе, было преобладающим среди населения – это вопреки самому мощному в истории ураганному огню пропаганды, которому это население было подвергнуто. Причем не стоит приписывать это пацифизму, так как его в Америке нет. Такая позиция населения просто отражает тот факт, что душа народа инстинктивно не доверяла всему этому предприятию и ненавидела его. На «выборах» 1940 года это чувство не могло быть выражено, так как оба кандидата в президенты были сторонниками интервенции. До сих пор управление выборами не давало настоящей американской душе возможности выразить себя.

Этот национализм становится все радикальнее, даже если он пока еще не принял политический размер. Некоторые американские националисты попали в тюрьму, так как в 1941 году они утверждали, что Америке следовало бы желать военного поражения, так как оно разрушило бы власть той группы, которая портит культуру. Национальный американский элемент надеялся, в общем, на поражение американских войск, которые состояли из призванных в принудительном порядке и против их воли молодых мужчин, поддерживал, однако, одновременно войну против Японии, естественного геополитического врага Америки.

Принцип индивидуальности, постоянства души и характера, действует не только для людей, но также и для народов, и поэтому известно, что дух, во-

одушевлявший таких людей как Натаниэль Грин, «Безумный Энтони» Уэйн, Итан Аллен, Натан Хэйл, Ричард Генри Ли, Джон Адамс, Даниэль Морган и солдаты Аламо и Сан-Хасинто, Томас «Каменная стена» Джексон, Роберт Э. Ли, Уильям Уокер и Гомер Ли, не умер. Столетие материализма не могло породить героизма, но двадцатый век преобразит духовный аспект Америки, как он преобразил Европу. Суровое творчество века абсолютной политики пробудит спящий героизм американского народа. Вопреки объему культурного искажения и его попыток навсегда превратить народ в слабую единообразную массу, еще есть миллионы, которые инстинктивно сторонились этого. Они – центр мощных исторических сил. Они борются против численно превосходящего противника, и они борются в сложных условиях.

Американский национализм не может опираться на большую традицию жизни, мышления и действия. Он берет на себя политически революционную миссию, но американский народ не революционен. Его реакция на болезнь культуры приняла изначальные естественные расовые формы. Он столкнулся с гигантской политической задачей, но он все еще не осознает необходимости мышления в категории силы. Интеллект его еще не освободился от устаревшей идеологии «равенства», которая родилась в 1775 году, но все еще используется искажающим культуру элементом для своих целей.

Вбитое американскому народу массовое мышление было, в принципе, лишь техникой, хитрым трюком. Это верно, что сильную индивидуальность заглушали, но сильную индивидуальность нельзя уничтожить. Век абсолютной политики снова разбудит то, что еще осталось творческого в американцах, и из-под внешнего слоя массовой унификации снова пробудится американская душа в образе отдельных вождей, которым будет передана абсолютная власть.

Самые различные элементы будут участвовать в будущей борьбе между американским национализмом и культурно-патологическим элементом. Вероятно, американская революция больше не сможет совершаться в конституционной форме. Доведенные до совершенства парламентские приемы и трюки предвыборной борьбы в позднедемократических условиях, похоже, исключают эту возможность. Тогда останется только гражданская война. В такой войне к окончательному решению придут война рас между неграми и белыми, классовая борьба профсоюзов против руководителей предприятий, финансовая война денежных диктаторов против приходящего авторитарного национализма и борьба не на жизнь, а на смерть между культурным губителем и американским народом.

Будет ли этот кризис выражен в резкой и критической форме как Гражданская война между Севером и Югом или примет форму неопределенной и продолжительной эволюции, как Тридцатилетняя война или борьба между духом Кромвеля и Реставрацией, мы предвидеть не можем. Мы только знаем, что

эта борьба будет, так как она органически необходима, но не знаем, в какой форме и когда она произойдет.

Это вещи непредсказуемые. Когда американская национальная революция примет политическую форму, она будет исходить из того же источника, из которого брала свое начало европейская революция 1933 года. Поэтому написанное здесь написано также для настоящей Америки, пусть даже действующая сегодня Америка и Америка ближайшего будущего – это враждебная Америка, Америка послушных подогнанных инструментов на службе вредящего культуре, политического и тотального врага западной цивилизации.

Пятая глава. Международное положение

Россия

Участие России в европейской истории как политического единого элемента начинается с Петра Великого. До этого у России были отношения только со славянскими государствами, которые граничили с европейской культурной областью. В течение столетий до Петра в России всегда существовало два вида мышления: одно было эмоциональным мышлением широкой массы, другое было более интеллектуальным желанием принять европейские формы мышления и действия и навязать их славянскому населению. Это желание оставалось ограниченным тем маленьким слоем, физическими потомками варягов, которые во времена Карла Великого проникали из Скандинавии в Россию и которые получали время от времени приток свежей крови из Швеции и Германии. С помощью этого слоя Петр переборол «старорусскую» группу и втянул сопротивлявшуюся Россию в общность европейских наций.

Но ему, как и другим царям династии Романовых после него, так никогда и не удалось наполнить русскую душу западными идеями. Россия, подлинный дух России, примитивна и набожна. Она чувствует отвращение ко всему западному: европейской культуре и цивилизации, европейским нациям, искусствам, формам государственного правления, идеям, религии, городам, европейской технологии. Эта ненависть естественна и органична, так как русское население не принадлежит к западноевропейскому организму, и поэтому все западное смертоносно для русской души. Такова была истинная Россия, которую хотел покорить петринизм, Россия Ильи Муромца, Ивана Грозного, Феофила Псковского, Бориса Годунова, Аракчеева, Достоевского, скопцов и Василия Шуйского; Россия Москвы, «Третьего Рима», таинственного наследника Рима и Византии. (Петринизмом в данном случае автор называет «западническую» идеологию реформ Петра Первого и его последователей – прим. перев.) «Четвертому Риму не бывать», писал монах Феофил. Эта Россия идентифицирует себя с человечеством и презирает «гнилой Запад». Так как Россия примитивна, ее основной духовный вопрос лежит в инстинкте, и по-

этому случилось так, что даже в течение рационалистического и проповедовавшего равенство девятнадцатого века Россия была страной погромов. Русский чувствовал полную чуждость еврея, и царский режим выделил евреям для поселения отдельные территории (автор имеет в виду «черту оседлости» – прим. перев.).

Европеизированный русский верхний слой, который заигрывал с европейской материалистической философией, говорил на немецком и французском языках, путешествовал на европейские курорты и занимался европейской кабинетной политикой, для чистых русских, нигилистов, был объектом дикой ненависти. Выражалась ли эта деструктивная идея в религиозной форме, как осуществление единственной правды, правды восточного православного христианства, или в более поздней политической форме славянофильства и панславизма или в сегодняшнем марксистском большевизме – ей присущ все тот же внутренний императив: разрушить все западное, которое, по его представлениям, душит русскую душу.

Большевистская революция в октябре 1917 года была как для России, так и для Европы роковым поворотом. Естественно, всегда существовала возможность такой революции, что доказывают восстание Емельяна Пугачева во времена Екатерины Великой, а также многочисленные покушения в девятнадцатом и двадцатом веках, огромным подпольем, показанным в произведениях Достоевского, и размером тайной полиции и шпионской сети. Когда революция действительно произошла, у нее было два лица: с одной стороны она была восстанием примитивной русской души против западного режима Романовых и всего, что он воплощал, и одновременно она была захватом власти еврейским единством культуры-нации-государства-расы, которое взяла на себя руководство восстанием. Необходимое финансирование обеспечивали в Нью-Йорке члены тамошней искажающей культуру группы.

Влияние культурного искажения на русскую политику не настолько сильно как в Америке, по меньшей мере, на внешнюю политику, так как внешнеполитической целью России является та же, что и у искажающей культуру группы – разрушение Враждебной Европы. Тем не менее, оно существует и в большой мере отвечает за российскую политику. Искусным и жестоким способом эта группа удержалась в России у власти.

Двойное лицо большевистской революции влекло за собой то, что одна ее сторона, примитивная, инстинктивная, азиатская сторона, потерпела неудачу, так как целью русского бунта было смести все западные учреждения, идеи, формы и факты. Следовательно, она хотела искоренить также западную технологию и западные экономические системы. Это ей не удалось, так как большевистское меньшинство начало индустриализировать Россию в наивысшей мере по европейскому образцу ради подготовки для войны против ненавистной Европы.

С 1918 по 1939 года российская политика осуществлялась за границей международной организацией Коминтерна, охватывавшего все коммунистические партии в западной цивилизации. Политика искажающей группы совпадает с политикой истинной России в подрыве Запада изнутри при использовании потрепанного мировоззрения девятнадцатого столетия в его самых дегенерировавших формах: классовая борьба, профсоюзничество, финансовые махинации, пацифизм, демократия, упадок искусства и литературы, разрушение общественных традиций. Такой подрыв должен был стать, естественно, только началом для полного подчинения. В случае необходимости должна была последовать военная оккупация тогда, когда внутренняя гниль сделала бы сопротивление безнадежным. Но вследствие европейской революции 1933 года у этого метода больше не было шансов на успех. Когда она самым живым и энергичным образом пробудила инстинкты Европы и вернула Европе ее миссию, она разрушила все подрывные попытки, так как западная исключительность двадцатого века делает Европу органически недоступной для культурного чужака.

Культурное искажение внутри Запада вызвало начало войны в 1939 году в союзе с большевистским режимом в Москве. Большевики думали, что внутри-европейская война ослабит Европу до такой степени, что российские войска смогут захватить всю Европу со сравнительно незначительными военными потерями и построить мировое господство «Третьего Рима» на руинах Запада. Однако все произошло не совсем так, и большевистский режим во время войны в определенный момент уже едва ли не очутился в Нью-Йорке. Но, в конце концов, искажающая культуру группа в Америке вызвала американскую интервенцию, и этим самым не только спасла Россию, но и позволила ей одержать военную победу, сделавшую ее хозяином самой большой связанной империи в мировой истории, империи, кроме того, которая лежит в центре политического мира, в северо-восточном квадранте нашей планеты.

Итак, есть две России: большевистский режим и истинная Россия под ним. Большевизм, с его поклонением перед западной технологией и глупой иностранной теорией классово-борьбы, не выражает душу истинной России. Эта душа прорывалась наружу в бунте стрельцов против Петра Великого и бунте Пугачева против Екатерины Великой. Пугачев и его крестьяне убивали каждого офицера, чиновника и дворянина, который попадал им в руки. Они сжигали или разрушали все европейское. Целые народности присоединялись к восстанию, длившемуся три года (1772-1775), и однажды угрожавшему даже Московскому Двору. Когда Пугачев попал в плен, то заявил суду, что он покарал Россию якобы по воле Бога. Этот дух продолжает жить, так как он органичен и не может быть убит, но требует реализации. Именно духом азиатского большевизма, пользуется большевизм московского режима со своей экономико-технической одержимостью.

Тут мы и приближаемся к роли, которую играет большевистская идеология в сегодняшнем международном положении. То, что на Западе Россию приравняют к теории классовой борьбы, уже само по себе является триумфом российской пропаганды. Теории в политике – это технические приемы. Политика – это деятельность власти, не аргументация, обсуждения или доказательства. Если европеец полагает, что у России есть желание улучшить общество или экономику и способствовать тому или иному классу, то это только доказывает, что этот европеец не способен думать политически. И не менее ошибочно полагать, что Россия хочет преобразовать весь мир по экономическим и социально-политическим принципам сегодняшней России. Миссия России – разрушить Запад, и любая агитация внутри Запада оказывает ей в этом содействие. Классовая борьба, расовая война, общественный упадок, декадентские фильмы, сумасшедшее искусство, дикие теории и философские учения – все это служит российскому плану. И коммунизм тоже входит в программу, а если бы завтра появилось что-то другое и более эффективное, то оно встало бы на место коммунизма.

Идеала коммунизма, как теоретической программы для реорганизации общества, не существует в мире фактов, ни в России, ни в Америке. У коммунизма, которого Запад должен бояться, есть два варианта, и они оба явно не теоретические: во-первых, классовая борьба и, во-вторых, коммунистическая организация. Классовая борьба – это внутреннее дело, и она может быть преодолена только идеей этического социализма; до сего же момента она служит российской цели ослабления и размывания Запада изнутри. А коммунистическая организация – это просто непосредственный инструмент Москвы, который на Западе выполняет ее политические команды.

В настоящий момент – в 1948 году – у России есть лишь один единственный враг – Америка. По отношению к нему Россия в любом отношении, кроме технического, обладает преимуществом. Ее оружие против Америки – это внутренний подрыв с помощью пропаганды и общественного вырождения. Эти методы в Америке особенно эффективны вследствие духовного раскола между истинной душой американского народа и верхним искажающим культуру слоем. Культурная реакция в Америке также еще способствует убедительной эффективности материалистической пропаганды и сумасбродных социальных идеалов. Влияние губителя выражается в России в том, что доля этой группы в касте функционеров чрезвычайно велика, что антисемитизм там считается преступлением и, прежде всего, в российской политике относительно Палестины. С 1944 по 1948 годы российская политика во всех вопросах противоречила американской политике. Однако московский режим при разделе Палестины, принадлежащей к мусульманскому миру, не был единодушен относительно того, должен ли он поддержать мировую политику еврейского единства культуры-государства-нации-расы, хотя в империалистических интересах России было бы противостоять Америке в этом вопросе.

Но настоящее положение показывает также отчетливо, что культурное искажение – по-прежнему ничто иное, как болезнь. Вопреки параллелям в их внутреннем положении Россия и Америка приближаются к войне друг против друга. Это время – время подготовки к Третьей мировой войне. Сущность политики, политической стороны человеческой природы, принуждает к этой войне, и наличие активных чужих групп в обеих политических великих державах ввиду этого знаменательного факта играет только подчиненную роль. Их роль – направлять войну так, чтобы ее исход не повредил их собственному положению в мире. Стратегическое положение России намного выгоднее положения Америки. В первую очередь, ее географическое положение дает России бесценное преимущество. Северо-восточный квадрант, как мы видели, в век абсолютной политики является центром для контроля над всем миром. Россия находится в этом квадранте, тогда как Америка даже не лежит в политическом мире, который располагается в восточном полушарии, исходном пункте для в шесть раз большего объема власти, чем может предложить западное полушарие. С военной точки зрения северо-восточный квадрант контролируется частично Россией, частично Америкой. Российская область связана и унифицирована. Российская дипломатия состоит из военной оккупации, террора, похищений и убийств людей. Американская дипломатия состоит из дегенеративной пропаганды, марионеточных правительств, которые проводят собственный террор, и финансового господства. Российский метод намного эффективнее и сильнее. Войны ведут с помощью солдат, а не одних лишь денег; дипломатия служит лишь подготовке к войне и использованию результатов войны. Поэтому финансовые средства только дополняют средства военные. Американские области в северо-восточном квадранте были куплены, однако они никогда не будут окончательно оплачены. Владение ними зависит от поддержания там марионеточных правительств, принадлежащих к самому бесполезному слою Европы, партийным политикам, которые продаются за деньги. Поэтому восстание более энергичного и более честного слоя в американской сфере влияния Европы автоматически лишило бы Америку ее перевеса, тогда как в российской области при современных обстоятельствах восстания были бы утоплены в крови. Естественно, финансовая дипломатия Америки находится под защитой американских штыков, но опасная иллюзия американского мышления относительно ценности финансовых средств остается.

Российская дипломатия повышает русский престиж, в то время как американская дипломатия будит в подчиненных народах только надежду на материальную прибыль и способствует низким инстинктам корыстолюбия и лени. Америка удовлетворяет в не собирающихся прекращаться процессах «военных преступников» («Повесить их!») старую семитскую мстительность. Россия оценивает отдельных лиц подчиненного населения по их нынешней и будущей пользе для российских планов, и ее при этом не волнует их прежнее поведение. Между тем, если бы Россия решила устроить праздник с повешением «военных преступников», то она могла бы научить американцев

подходящим методам. Процесс Флоринского во время Красного террора в Киеве летом 1919 года мог бы послужить примером такого наглядного обучения. Профессор Киевского университета Тимофей Флоринский был обвинен в антисемитизме. Одна из его судей, Роза Шварц, возмущенная его недостаточной покорностью, в ходе «судебного разбирательства» вытщила револьвер и застрелила ученого.

Положение России в северо-восточном квадранте в наивысшей степени позволяет ей применять стратегические принципы концентрации и использования сил. С другой стороны, удаленность местоположения Америки принуждает ее содержать огромный флот, чтобы иметь возможность вообще перевезти хотя бы одного солдата на театр военных действий. Россия в сравнении с Америкой обладает преимуществом внутренней линии.

Теперь мы можем сделать заключительные замечания о России, ее миссии и ее возможностях. Россия не принадлежит к Западу; ее империализм – это лишь отрицание неограниченного, организованного западного империализма. Потому в том, что касается Запада, миссия России чисто деструктивна. От России Запад ничего не может ожидать, и каждый, кто в это верит, с культурной точки зрения идиот. Россия расколота внутри; правящий режим не воплощает ее настоящую, набожную, примитивную азиатскую душу, а представляет собой технократическую карикатуру на петринизм, и по этой причине режим смог бы однажды пойти путем Романовых. Этот раскол может быть использован против России, так же, как сама Россия пытается в настоящий момент использовать против своих политических противников тактику разжигания революции изнутри. Такая тактика в 1917 году с успехом применялась Западом против режима Романовых. Из-за своего географического положения у границы с Западом Россия будет и всегда должна быть врагом Запада, до тех пор, пока ее население организовано как политическая единица.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга отличается от других книг. До сих пор все императивные политические труды обращались всегда только к какой-то одной отдельной европейской нации. Эта книга обращается ко всей Европе и, прежде всего, к ее культурному слою.

Значение слова «Европа» изменилось. Впредь под ним следует понимать западноевропейскую цивилизацию, органичное единство, которое произвело испанскую, итальянскую, французскую, английскую и немецкую национальные идеи как ступени своей жизни. Эти все бывшие нации мертвы, эпоха политического национализма закончилась, не из-за логичной необходимости, а из-за органического продолжения западноевропейской истории.

Сегодняшний хаос непосредственно может быть объяснен попыткой предотвратить объединение Европы. Вследствие этого Европа увязла в трясине, а бывшие европейские нации опустились до уровня колоний неевропейских держав. Либо Европа объединится, либо она исчезнет из истории, и ее ключевые силы и ее достижения навсегда останутся в распоряжении неевропейских сил.

В первую очередь здесь осуждаются жалкие планы реакционных креатур по «объединению» Европы как экономического пространства для того, чтобы империализму неевропейских держав было бы легче эксплуатировать Европу и тем самым одновременно укреплять этот империализм.

Не торговля и банковские сделки, не импорт и экспорт, а лишь героическое мужество и героический дух могут освободить Европу от финансовых махинаций реакционеров, от партикуляризма партийных политиков и от оккупационных армий неевропейских сил.

Данная книга – это уже первый удар в борьбе за освобождение Европы. Главный враг – это предатель внутри самой Европы. Между ним и духом двадцатого столетия бушует беспрерывная война.

Фрэнсис Паркер Йоки

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).